

Саяна Дой

**Энсей течёт на
ВОСТОК**

Саяна Цой

Энсей течёт на восток

«Автор»

2026

Цой С.

Энсей течёт на восток / С. Цой — «Автор», 2026

Двенадцатилетняя Лиаса теряет отца и старшего брата по несправедливому приговору жестокого царя. Потеряв кормильцев, семья скатывается в крайнюю бедность. Единственным выходом для девочки становится опасное путешествие в поисках небесного дворца бога Аума. Она верит, что великий бог может исполнить её заветное желание: наказать жестокого царя и воссоединить её семью. По пути она встречается с разными людьми, находит новых друзей и обнаруживает, что мир не так прост и понятен, как ей представлялось - а тем временем с соседним царством снова начинается война.

Содержание

Глава 1. Пришла беда.	5
Глава 2	14

Саяна Цой

Энсей течёт на восток

Глава 1. Пришла беда.

Стража, как это обычно бывало, пришла ночью.

Когда спустя много дней Лиаса вспоминала об этом, это только укрепило ее в мысли, что царская стража на самом деле – демоны-оборотни в человеческом обличье, и царь давно якшается со злыми духами. Когда тяжелые кулаки забарабанили по двери их маленького домика, и грубый голос прокричал: «Именем царя Дошкуна, откройте!» - она вскочила с постели, осторожно выглянула из-за ширмы, отделяющей ее кровать от остального дома, и замерла, не зная, что делать. В маленьком окошке, затянутом бычьим пузырем, метался свет факела. Отец с матерью тоже выглянули из-за своей перегородки. Мать вцепилась в рукав отцовской рубахи. Старший брат уже поднялся и быстро одевался. «Откройте, или я выбью дверь!» - продолжал кричать грубый голос. Лиасе показалось, она слышит, как стучат к соседям и выгоняют жителей из домов, громче становились встревоженные голоса. Отец подошел к двери.

– Кто вы? Что случилось? – спросил он, но тут замок не выдержал ударов, и дверь распахнулась. Несколько человек в доспехах, с короткими мечами за поясом ворвались внутрь вместе с промозглым зимним ветром. Лиаса взвизгнула от страха и нырнула под одеяло. Все тепло, остававшееся в доме от уже погасшего очага, сразу выветрилось наружу.

– По какому праву вы врываетесь в наш дом! – воскликнул старший брат.

– Молчать! – приказал один из стражников. – Ты Даш Кулуш, старший мастер 68-й бригады, производящей скульптуры для царского двора?

– Это я. – сказал отец.

– А ты, значит, Даш Энгер, его сын?

– Да, – сказал старший брат.

– Отлично, – сказал стражник тоном, не предвещающим ничего хорошего. – Даш Кулуш, главный мастер 68-й бригады. В двух статуях, изготовленных твоей бригадой и под твоим надзором десятого числа одиннадцатого месяца в десятый год правления царя Дошкуна, были обнаружены многочисленные изъяны. Ты обвиняешься в преступном небрежении и порче государственного имущества. Согласно законам Золотой страны, принятых царем Дошкуном на пятый год его правления, да прославится в веках имя его, ты и твое подразделение приговорены к трем годам исправительных работ на Великой стене. Приговор вступает в силу немедленно. Даем пять минут на сборы и прощание с родными.

Мать закричала. Лиаса отбросила одеяло и села на кровати, не в силах вымолвить ни слова. Отец и старший брат замерли, смертельно бледные. На лицах стражников не было ни сожаления, ни сочувствия. Старший брат работает в одной бригаде с отцом, подумала Лиаса. Стража забирает их обоих на Великую Стену, с которой никто не возвращался.

– Даш Кулуш, Даш Кулуш, как это случилось, как же так? – рыдала мать. – Подождите, добрые люди, это какая-то ошибка, Даш Кулуш не мог допустить брака. За пятнадцать лет никто ни разу не жаловался ни на трещину, ни на скол, ни на самую маленькую царапину! Вы не можете забрать их! Даже суда не было! Я требую разбирательства!

– Магистрат вынес решение, – сухо отрезал стражник. – Конвой выдвигается послезавтра. У вас еще есть время подать прошение о пересмотре дела.

– Но мы даже не слышали о суде!

– Успокойся, Айла. – сказал отец. – Может, завтра все образуется.

– Прошло три минуты, – сказал стражник.

Отец и старший брат принялись одеваться. Мать, проливая слезы, заметалась по дому, собирая еду и сменную одежду. Лиаса вскочила и кинулась к стражникам.

– Вы не можете их забрать! – закричала она. – Ведь даже не было суда!

– Магистрат вынес решение, – повторил стражник. – Пять минут истекло. Или вы выходите мирно, или...

– Мы идем, мы идем, – сказал отец. – Прости, Айла. Лиаса, слушайся маму.

– Нет, куда вы! – Лиаса обхватила его за талию. – Не пущу!

– Лиаса, мы вернемся...

– Никто не возвращается от Великой стены! Никто, это все знают!

Равнодушные руки оторвали ее от отца и вытолкнули отца со старшим братом наружу.

– Как вы ведете себя с девочкой! Ей всего двенадцать! – послышался гневный голос старшего брата. Мать обняла Лиасу, вся содрогаясь от рыданий.

– Она достаточно взрослая, чтобы знать свое место! – ответил стражник. – Ну, чего встали, пошли!

– Нет! – Лиаса вырвалась из рук матери и ринулась в дверь.

Отец с братом уже были в старой телеге, куда загоняли еще несколько человек. Вокруг выли и причитали другие женщины и дети. Стража окружила телеги кольцом и никого не подпускала.

– Папа! – кричала Лиаса, пытаясь пробиться к телеге. – Старший брат!

Толпа теснила и толкала ее со всех сторон. Фигуры ее родных то появлялись, то исчезали в мешанине тел. Лиаса боялась оторвать от них глаз, словно если она отвлечется хоть на миг, они исчезнут навсегда. Казалось очень важным добежать до них. Ей удалось протиснуться между двумя стражниками, отвлекшимися на другую женщину. Отец и старший брат смотрели только на нее. Лиаса навсегда запомнила их встревоженные и испуганные лица. Оба что-то говорили, но среди гвалта толпы и шума в собственных ушах Лиаса не могла слышать ни слова. Она почти подобралась вплотную, почти коснулась борта кончиками пальцев, когда кто-то схватил ее за плечо и так толкнул, что она упала на землю и минуту лежала оглушенная. Крики звенели у нее в голове.

Знакомые руки матери обняли ее. Лиаса подняла голову. Факелы стражников уже удалялись по дороге к старой крепости. Там содержали заключенных. Разгневанная, но бессильная толпа женщин и детей следовала за ней, продолжая осыпать стражу бранью.

Мать просидела всю ночь, рыдая за маленьким столиком у окна. Лиаса тоже плакала, сидя на своей кровати. Она вспомнила, как три года назад за тем же столиком отец рассказал семье радостную весть: он сумел устроиться в мастерскую, получившую заказ на глиняные статуи для самого царя. Тогда они жили в ветхом домишке на самой окраине города. Получив новую работу, отец смог купить домик побольше и поновее, сменил всю мебель, даже начал откладывать деньги на будущую свадьбу для сына и приданое для дочери. Только старый столик остался с ними от прежнего ветхого жилища. Потом и старший брат сумел получить место рядом с отцом. Сколько было тогда радости! Отец пользовался уважением у соседей, ему прочили скорое повышение и переезд в столицу в царские мастерские. Но не зря говорят, что чем больше радость, тем горше слезы. Вот чем все обернулось.

– Папа не мог допустить ошибки, – пробормотала Лиаса. – Все говорили, что у него внутреннее чутье на такие вещи.

– Все когда-нибудь ошибаются, – вздохнула мать.

– Но не папа. Помнишь, как он отмечал предновогоднюю неделю с друзьями, и другие бригадиры проводили его домой. Они тогда сказали, что папа мог по падающему на скульптуру свету определить, есть ли в ней брак или нет.

– Это просто такое выражение.

– Но мама!..

– Я знаю, дочка. Может, отец и в самом деле просто вызвал зависть у другого мастера или недостаточно низко поклонился какому-нибудь чиновнику, и они наговорили на него. Я пойду в судебную палату с самого утра и подам жалобу.

Мать ушла рано утром, едва начали открываться лавки, и по улице поплыл манящий запах свежих лепешек. Лиаса хотела пойти с матерью, но та приказала ей остаться дома.

– Напеки дорожных лепешек, – велела она.

Лиаса, ворча, принялась за работу. Она напекла их столько, что, как ей казалось, могла бы кормить целую бригаду неделю, а матери все не было. Мать не возвращалась целый день. Сначала Лиаса пребывала в радужных надеждах: ей казалось, что стоит магистрату услышать имя Даш Кулуша, как обнаружится, что все произошедшее – ужасная ошибка, отца и старшего брата тотчас же освободят и с извинениями привезут домой. Она даже приготовила какой-никакой, а сносный обед. Но время шло, еда остыла, солнце начало клониться к западу, и приподнятое настроение сменилось беспокойством, а затем дурными предчувствиями. И вот совсем стемнело, над дверьми зажглись масляные светильники. Лиаса поминутно выбегала наружу посмотреть, не идет ли мать.

Едва открылась дверь, Лиаса бросилась к матери и по ее лицу сразу поняла, что надежды нет.

– Ну как?.. – все-таки спросила она.

– Я оставила прошение у помощника магистрата, но мне хотелось увидеть его самого, ведь наше дело не терпит отлагательств. Но я так и не смогла это сделать. Сначала мне говорили, что магистрат занят другими делами, и его нельзя прерывать, потом сказали, что он на приеме у какого-то важного лица, потом – что его даже нет в городе.

– Но разве так можно! – воскликнула Лиаса.

– Ох, дочка, – только и ответила мать.

Больше на расспросы Лиасы мать ничего не сказала. Она выглядела уставшей и словно постаревшей, будто со вчерашней злосчастной ночи прошло десять лет. Лиаса тоже притихла, хотя обида и возмущение продолжали кипеть в ее сердце. Ужинали молча и в молчании легли спать. Лиаса долго лежала без сна. Не было слышно похрапывания отца и старшего брата, ни скрипа и шороха, когда кто-нибудь поворачивался во сне. Лиаса лежала на спине, смотрела в темноту и знала, что мать тоже не спит.

На следующий день они встали рано утром в птичьем часу – время, когда летней порой просыпаются птицы, – и вышли в долгую дорогу до крепости задолго до позднего зимнего рассвета. Идти надо было через весь город, а потом карабкаться вверх к самым городским стенам. Город лежал в долине, образованной шестью холмами, и восточная крепость, где и находилась тюрьма, стояла на одном из этих холмов. Когда-то предки нынешней династии штурмом взяли город и знатно потрепали его оборонительные сооружения. Город оказался в глубине образовавшегося Золотого царства, и ставшая ненужной крепость долго ветшала, пока старая тюрьма не переполнилась, и понадобилось новое место для содержания заключенных. На ветру плескались синие знамена.

Когда они взобрались почти на самый верх, Лиаса оглянулась. В тусклом свете начинающегося дня весь город лежал перед ней как на ладони. Квартал за кварталом расстилались перед ней, словно шахматный ковер, охваченный, как тисками, кольцом мощных городских стен. Они были такими толстыми, что по ним спокойно могли проехать в ряд две повозки. У самых стен теснились дряхлые лачужки бедняков; когда-то в такой же жила и семья Лиасы. Чем ближе к центру, тем больше и наряднее становились дома, появлялись внутренние дворики. Двухэтажные особняки знати были окружены пышными садами, за которыми едва можно было разглядеть их крытые синей черепицей кровли. В центре города, на искусственной возвышен-

ности, стояла бывшая резиденция местного князя, а ныне один из малых царских дворцов под трехъярусной золотой крышей, окруженный обширным двором и садами. Крыша слабо светила даже в холодном зимнем рассвете. Хоть этот дворец и был лишь одной из множества царских резиденций, разбросанных по всей стране, он как гора возвышался над окружающими его постройками. Единственной изгибающейся линией среди идеально упорядоченных прямоугольников-кварталов была река, пересекающая город.

Хоть Лиаса с матерью и вышли из дома так рано, они все равно чуть не опоздали. Когда они пришли, телеги с заключенными уже были готовы выдвинуться в путь. Их уже переодели в грубые арестантские робы и заковали в кандалы. Вокруг теснились родственники других заключенных. Лиасе с матерью позволили забраться на телегу, чтобы попрощаться. Пока они шли, Лиасе казалось, что у нее не хватит дыхания, чтобы сказать все слова, которые рвались наружу, однако вот они здесь, и слова комом встали у нее в горле. Отец с матерью взялись за руки и так и замерли, опустив головы. Лиаса крепко обняла сначала отца, потом старшего брата. В восемнадцать и двенадцать лет они уже были слишком взрослыми для открытого проявления чувств, особенно на виду у посторонних, но сейчас Лиасе было все равно. Старший брат, наверно, думал так же, потому что не протестовал против объятий. Другие заключенные были заняты своими семьями и не обращали ни на кого внимания.

– Ладно, не вешай нос, сестренка, – сказал старший брат. – Могло быть и хуже, некоторых приговорили к десяти годам работ. Три года пройдут, моргнуть не успеете.

– Если не вернетесь, я перешью все ваши штаны в юбки, так и знай, – пробормотала Лиаса. Старший брат фыркнул, его бледное и осунувшееся лицо немного посветлело. Лиаса почувствовала прикосновение волос к щеке; старший брат всегда делал так, когда хотел ее подразнить: брал ее собственную длинную косу и проводил кончиком по ее носу, как кисточкой. Обычно Лиаса принималась смеяться и визжать и пыталась ткнуть брата пальцами в бока, потому что он ужасно боялся щекотки. Теперь она лишь глубже спрятала лицо в его грубую рубаху. Старший брат вздохнул и погладил ее по голове.

– Если станет совсем плохо, идите к моему двоюродному брату Очиру. – наконец сказал отец. – Он вам не откажет.

– Но у него у самого пять детей и немощные родители, которым он отсылает деньги, – вздохнула мать.

– Не плачьте, мама, сестренка, мы обязательно вернемся, – сказал старший брат.

Но вернутся ли они? подумала Лиаса. Все говорят, что никто не возвращается с Великой стены, недаром в народе ее называют стеной бесчисленных слез. Лиаса как-то спросила у взрослых, для чего эта стена нужна, ей ответили: для защиты от их давнего врага, могучего Железного царства.

Впрочем, к чему заранее плакать и убиваться? Может, страшные слухи – это просто слухи, и все обойдется.

И вот настало время прощаться. Когда телеги наконец тронулись, Лиаса с матерью шли с ними до самых городских ворот.

– Да пребудет с вами благословение небес! – шептала мать прерывающимся голосом. – О творец мира, властелин богов, повелитель небесного царства! Да будет на то воля твоя, чтобы сын и муж мой вернулись домой, не позволяй тому, кто желает причинить им зло, приблизиться к ним. Слово мое истинно, ибо я честна и праведна; никогда не произносила я лжи и никогда я не пользовалась обманом.

У Лиасы щипало нос и глаза, но она была твердо намерена не плакать; довольно уже, наплакалась! Она, не отрываясь смотрела на отца и старшего брата и даже чуть не упала несколько раз, потому что забывала смотреть под ноги. Ей казалось, что путь вниз к Восточным воротам одновременно тянулся бесконечно долго и промелькнул в мгновение ока. Телеги вошли под арку ворот, а мать с Лиасой остались долго-долго смотреть вслед.

Когда они вернулись домой, то, уставшие от ночных переживаний и бессонного бдения, не стали ни есть, ни затапливать очаг, а легли под одеяла и заснули. Когда они проснулись, давно стемнело. В обычный день отец с братом уже вернулись бы, горел бы масляный светильник, и вкусно пахло едой. Отец бы степенно рассказывал новости, услышанные от других работников, старший брат бы притворялся, что хочет утащить у Лиасы то кусочек рыбы, то мясной шарик, а Лиаса делала вид, что обижается, и пыталась в отместку утащить что-нибудь с тарелки у брата. Теперь же в доме, нетопленном со вчерашнего вечера, было холодно и неуютно. Вода в ведрах покрылась тонким слоем льда, на одежде и кроватях лежал иней. И стояла та особенная тишина, какая бывает, когда навсегда уходит человек, и перестают раздаваться его шаги, стихает его дыхание, замолкает шелест одежды, скрип мебели и звон посуды. Мать вышла занести дров. Лиаса ходила по дому, наводя порядок, отряхнула оставленные в беспорядке постели отца и матери, свою и старшего брата. Хотелось плакать, но она держалась. Мать снова провела бессонную ночь, чтобы поддерживать огонь и прогреть их промерзший домик. Лиаса пыталась помочь ей, но нечаянно заснула.

Следующий день принес новые неприятности. С Лиасой не хотели общаться ее подруги. Когда утром Джин сделала вид, что не заметила ее у колодца, Лиаса не придавала этому особого значения: ей самой было слишком тошно, чтобы разговаривать с кем-то. Когда Лиаса зашла в дом с полными ведрами, мать снова плакала, сидя у стола. Стол был накрыт для них двоих; вместо сытного завтрака, которым мать обычно провожала на работу отца и старшего брата, на столе сиротливо стоял рис и несколько анчоусов. Лиаса уныло принялась за еду.

– Не вороти нос, – сказала мать. – Нам надо экономить еду.

Завтрак прошел в тишине и молчании. Потом мать куда-то засобиравалась.

– Мама? – неуверенно сказала Лиаса.

– Я снова схожу в суд, – сказала мать. – А еще мне нужна работа. Я была портнихой до того, как встретила твоего отца. Пройдусь по соседям, может, им понадобятся мои услуги. Наверно, я вернусь поздно, не жди меня.

Мать ушла, и в доме стало совсем тихо; с улицы доносился шум живого города, но он казался глухим и далеким, словно уши заложило ватой. Тишина давила на уши, раньше Лиаса и не догадывалась, что тишину бывает так тяжело выносить. В обед ей захотелось есть, но готовить было не для кого, и тратить столько сил и времени только для себя было неохота. Лиаса нашла оставшийся с завтрака рис и съела его холодным, потому что даже разогревать его не было желания, и заела черствеющей лепешкой. После невкусного и холодного обеда настроение стало еще хуже. Лиаса помыла посуду, села перешивать свои рубашки – она подросла, рубашки стали ей немного малы, и надо было выпустить больше ткани из швов, – но не могла сосредоточиться на своем занятии. Хотелось сбежать из этой неподвижности. Бросив шитье, Лиаса вытащила большой деревянный таз и начала кидать в него грязное белье, свое, материно, отца и старшего брата. В конце концов, отец и старший брат однажды вернуться, ведь так? Им понадобятся их вещи. Нагрузившись, она побежала к речке. Дженна была там же, однако когда Лиаса начала спускаться к берегу, под ее ногами зашуршали камни. Лиаса уже собралась окликнуть ее, когда Дженна подняла голову, увидела ее, ни слова не говоря, схватила свой таз и вещи и быстрым шагом ушла. У Лиасы упало сердце. Нехотя, через силу она закончила стирку, а потом, не желая возвращаться в пустоту своего дома, долго сидела на берегу, пытаясь высмотреть в волнах дракона – хозяина реки. На обратном пути поджидала новая неприятность: соседский мальчишка бросил в нее камень, который ударился о землю у ее ног. Его старшая сестра схватила его за руку и, ни слова не говоря, увела в дом.

– Да что с вами такое! – рассердилась Лиаса.

После этого неприятного инцидента дома все валилось из рук. Лиаса уронила таз со свежестырированным бельем, пока развешивала его, переколола все пальцы, пока дошивала брошенные утром рубашки, хотя благодаря матери шила она прекрасно. После каждой неудачи

она злилась, из-за этого становилась еще неуклюжее и от этого злилась все сильнее. В завершение она нечаянно разлила ведро воды, а пока вытирала пол, толкнула второе ведро и облилась. Тут ее нервы не выдержали. Лиаса со всего размаха швырнула половую тряпку, сорвала с себя мокрую юбку и швырнула следом, с разбегу упала на кровать и завопила в подушку.

Отлежавшись, она снова села. Ее вспышка гнева ничему не помогла, вещи лежали там, где Лиаса их бросила, и вода на полу тоже никуда не делась. Вздыхая, Лиаса переделалась, прибралась, взяла ведра и потащилась снова к колодцу.

Недалеко от колодца росло дерево, под ним стояла скамейка, и там Джин и Дженна сидели, склонившись друг к другу. Дженна достала из кармана платок и протянула Джин, и Лиаса поняла, что Джин плачет. Как бы Лиасе не было обидно, что утром они обе отказались разговаривать с ней, они оставались ее подругами. Лиаса подбежала к ним.

– Что случилось? Джин, почему ты плачешь?

Она хотела положить ладонь Джин на плечо, но Джин неожиданно больно ударила ее по руке.

– Не трогай меня! – выкрикнула она. – Это из-за твоего отца всех наших отцов тоже забрали на Великую Стену!

У Лиасы перехватило дыхание. В своем горе она забыла про круговую поруку. Отец был главным мастером в своей бригаде, состоявшей из десятерых рабочих. Она вспомнила, что в ту злополучную ночь слышала, как стража обходила другие дома. За ошибку отца должны были наказать всю его бригаду. Отцы Джин и Дженны были одними из этих рабочих. Тринадцатилетняя Джин была старшей в семье, у нее было пять младших братьев и сестер. Мать умерла последними родами, самому младшему ребенку еще не было года, и других мужчин в семье тоже не было. У Дженны оставались двое дядей. Наверно, поэтому она не плакала, но взгляд ее глаз был злым и несчастным.

– Мне... мне очень жаль... - только и пролепетала Лиаса и сразу почувствовала себя глупо. Разве такое говорят человеку в горе? Джин только язвительно расхохоталась.

– Какая польза от твоей жалости? Не хочу ничего слышать. Уходи!

– Но они вернутся через три года... - попыталась было утешить ее Лиаса.

- Отец страдает легочной болезнью, он пропадет на Великой стене! Он уже никогда не вернется! У нас никого не осталось. У меня никого не осталось!

Дженна схватила горсть песка и бросила ее в Лиасу:

– Убирайся! Не хочу тебя видеть!

– Уходи, Лиаса, – мрачно сказала Дженна, и именно эти слова, сказанные спокойным безнадежным тоном, а не крики Джин, стали последней каплей. Лиаса заплакала и побежала домой.

Ей казалось, что все прохожие провожают ее ненавидящими взглядами. Ведь она – дочь преступника, по халатности которого были осуждены невинные люди. Отец был главным мастером, который надзирал за работой остальных. Он должен был лично принять работу каждого из своих подчиненных, заметить их ошибки и не допустить испорченные статуи до дальнейшей транспортировки к художникам и оружейникам. Лиаса была готова кричать, что всё было подстроено нарочно, что отца арестовали по чужому злему умыслу, и он не виноват, но какое значение это имело для семей, оставшихся без кормильцев? К тому же в глубине души Лиаса признавала, что отец, несмотря на свой талант, мог допустить ошибку. Отец, помнится, рассказывая о своей работе семье и соседям, выказывал удивление тому, какие жесткие требования предъявлялись к качеству работы. Каждая статуя была идеально похожа на живого человека. В глазницы вставляли глаза из полудрагоценных камней. Художники тщательно раскрашивали их, добиваясь полного сходства с цветом кожи. Оружейники снабжали их настоящим оружием и доспехами. Им даже делали прически из настоящих волос. Отец однажды видел их полностью готовыми и сказал, что в первое мгновение у него душа ушла в пятки и

дыхание перехватило: будто живой человек взглянул на него. Казалось, что выстроенные вдоль стены статуи вот-вот задвигаются, замахнутся сжатыми в глиняных кулаках мечами, выпустят стрелы из тугих луков. В целом, они производили зловещее впечатление: словно настоящие люди окаменели под воздействием страшного проклятия, и, запёртые в тесных неподвижных темницах, неотрывно следили яшмовыми и агатовыми глазами за всеми, кто проходил мимо.

В слезах Лиаса прибежала домой. Мать еще не вернулась, в доме было пусто и холодно. Лиаса потеряно остановилась в центре комнаты. Браться за работу в таком настроении было бессмысленно, поэтому она, немного успокоившись и утерев слезы, решила прибегнуть к одному средству, которое никогда не подводило ее ни в радости, ни в редкие тяжелые минуты: она решила достать свое самое драгоценное сокровище.

У родительской кровати стоял тяжелый кованый сундучок, в котором отец с матерью хранили самые ценные вещи. Его, конечно, запирали на замок, но Лиаса знала, где спрятан ключ. В сундучке лежали украшения матери, подаренные отцом, ее красное с золотом праздничное платье и деньги, которые отец копил для Лиасы и старшего брата: двадцать пять золотых монет для брата и девять для Лиасы. В восемнадцать старшему брату было пора жениться, и отец, помнится, даже вел переговоры на эту тему с каким-то старинным другом, у которого была подходящего возраста дочь. Конечно же, ни старинный друг, ни его дочь не пришли попрощаться, с обидой подумала Лиаса. Она не знала, как зовут обоих и где они живут, потому что мысль о том, что брат может жениться и покинуть родительский дом, была ей неприятна, и она старалась не думать и не знать ничего об этом, а то бы она не постеснялась прийти к ним и написать что-нибудь обидное на двери их дома; хоть отец и не учил ее нехорошим словам, но старший брат был не прочь показать ей, как пишется что-нибудь пакостное. Правда, он не всегда объяснял, что эти слова означают.

Еще в сундучке хранились прекрасный отрез шелка, вышитая Лиасой скатерть и полотенца. Но самым драгоценным сокровищем, которым Лиаса дорожила больше всего, была книга «Правдивые сказания о делах минувших», доставшаяся отцу от его родителей. По ней Лиаса училась правильному письму. Поначалу отец с матерью опасались доверять маленькой дочери настолько бесценную вещь, однако Лиаса всегда обращалась с ней бережно. Книга была большая и толстая, в толстом кожаном переплете, с настоящими цветными картинками и с позолоченными уголками. Мать рассказывала, что когда-то семья отца была достаточно богата, чтобы отец выучился на скульптора у лучшего мастера своего дела. Но потом что-то случилось, и они потеряли имя и богатство. Больше ни отец, ни мать ничего не говорили об этом. Наверно, все опять было из-за царя, подумала Лиаса. Она была готова считать его причиной всех бед в стране. Говорили: как гора Сумбер – величайшая среди гор, так и царь – величайший среди людей; а раз все блага исходили от него, то и причиной всех невзгод был он же. Лиаса была так зла на царя, что если бы ей сказали, что даже плохая погода и неурожаи происходят из-за царя и его приказов, то про себя она бы, конечно, подумала, что это глупо, потому что природные несчастья находились в ведении Небес. Но вслух она бы обязательно согласилась, просто из вредности, и еще добавила от себя пару нелестных выражений. Так что, пожалуй, хорошо, что ее никто не спрашивал.

Лиаса наугад открыла книгу.

– «Владыкой, великим мощью», «яростным, как лев», «могучим, как бык» называли правителя. Существа в высших сферах и в подземной бездне были ему подвластны. По его слову воздвигались и рушились скалы. По его велению разливались и мелели реки. Только с одним не мог совладать правитель – с собственным сердцем. Запала однажды в сердце его тоска», – прочла Лиаса и вздохнула.

Эту сказку больше любил старший брат. Ему нравились рассказы о великих жрецах древности, которые могли одним словом осушить озеро, оживить восковую фигурку и усмирить свирепого хищника. Когда Лиаса была маленькой, он рассказывал эту историю столько раз, что

Лиаса знала ее наизусть. Но любимой сказкой Лиасы была другая. Она не спеша перелистывала страницы, любуясь великолепными цветными иллюстрациями. Драконы и птицы, земные и небесные духи были нарисованы как живые, и краски совсем не поблекли со временем. Воины в сверкающих доспехах и красавицы в летящих шелковых одеждах, казалось, вот-вот сойдут со страниц и заговорят. Начало каждой истории предваряла прекрасная виньетка: жрец, читающий заклинания; тщательно выписанные блюда на жертвенном столе; мужчина и женщина в свадебных нарядах; свернувшийся кольцами дракон. Последнюю историю в книге предваряло изображение, которое Лиаса особенно любила разглядывать: две фигуры в богатых одеждах, мужская и женская, стояли, подняв руки в молитвенном жесте, перед сидящей фигурой бога с длинными прямыми рогами на голове, между которыми пылало солнце.

– «Бокту и Бортэ», – прочитала Лиаса выведенное красными чернилами название любимой сказки. – «Давным-давно, когда гора Сумбер была маленькой кочкой, а Великое Зеленое море – маленькой лужей, жили-были старик со старухой, и было у них двое детей: сын Бокту и дочь Бортэ. Любили они уходить к реке, чтобы поиграть с разноцветными камнями, что в изобилии лежали на берегу. Однажды, когда их не было дома, напали на их деревню враги, разграбили дома, убили жителей, и не осталось у них ни крыши, чтобы переночевать, ни еды, чтобы насытиться».

На несколько волшебных минут Лиаса погрузилась в другой мир. Она читала о том, как выросли Бокту и Бортэ, как Бокту стал могучим богатырем, а Бортэ – неопишуемой красавицей, и как во время охоты Бокту нечаянно застрелил свою сестру из лука. Горько горевал он, умоляя богов и духов помочь в его горе и оживить его сестру. И тогда прилетели к нему Владыка горы Энгер Пятнистый Орел и Владычица горы Кангар Пятнистая Орлица и сказали: за семью речными разливами, за семью горными цепями стоит гора Сумбер, вершиной касаясь неба. На вершине той горы стоит девятивратный дворец, а во дворце живет сам бог Аум, всеведущий и всемогущий, творец мира, отец богов. В его силах исполнить любое заветное желание. И тогда положил Бокту тело своей сестры в пещере, обтер ее священными травами и воскурил благовония, чтобы не истлело на ней платье, гниль и разложение не коснулись ее, и завалил вход огромным камнем, чтобы хищные звери и птицы не добрались до нее. Взошел он на гору Энгер, встал лицом к восходящему солнцу и произнес: Приветствую тебя, о творец мира, властелин богов, повелитель небесного царства. Да будет на то воля твоя, чтобы я мог пройти свой путь в мире и покое, ибо я честен и праведен; никогда не произносил я заведомой лжи и никогда я не пользовался обманом. И так призвав благословение повелителя света, он подпоясался мечом, сел на своего верного скакуна и отправился в путь. Лиаса читала о том, как на пути к волшебной горе Бокту победил войска трех злых царей, освободил трех прекрасных дочерей доброго царя, поднялся на Сумбер и простерся ниц перед тронем великого Аума.

– «Дай мне силу, подобную той, которой ты наделил себя, о ты, тот, кто ненавидит обман, ибо он есть Правда и Истина, и да исполнится воля твоя. Да будет на то воля твоя, чтобы сестра моя восстала из смертного мрака, тогда восславим мы твою силу и могущество. Слово мое истинно, ибо я честен и праведен; никогда не произносил я заведомой лжи и никогда я не пользовался обманом».

Последние слова Лиаса повторила несколько раз. Она знала, что эти слова – необыкновенной силы заклинание, благодаря которому произнесенная молитва достигала ушей богов. Всевидящие боги заглядывали в сердце просящего, и если находили его достойным, исполняли его просьбу.

«Если бы я могла, как Бокту, попасть к Ауму, чтобы он исполнил мое заветное желание, – грустно подумала Лиаса. – Я бы попросила, чтобы отец и старший брат вернулись домой, и чтобы царя сместил кто-нибудь подобнее. Но женщина не может попасть к Ауму».

Но мечтать об этом ей никто не мог запретить. Лиаса так глубоко погрузилась в свои фантазии, что вздрогнула, когда открылась дверь и вошла мать. Она двигалась, сгорбившись, втя-

нув голову в плечи, и словно уменьшилась в росте. Ее глаза покраснелись, будто она недавно плакала, волосы растрепались, а на щеке был виден синяк. Лиаса вскочила:

– Мама, что случилось? Тебя ударили?

Мать потрогала щеку:

– Ах, это? Ничего страшного, простая случайность.

– Как это может быть простой случайностью? – возмутилась Лиаса. – Раз отца и брата нет с нами, так сразу можно на тебя руку поднимать? – и тут до нее дошло. – Мама, это потому что... потому что из-за отца забрали других людей, и их родственники злятся на нас?

– Это мелочи, – повторила мать. – Не будут же они вечно злиться... Завтра постучусь в другие дома, вдруг повезет. Ах, я так устала сегодня. Иди ко мне, дочка, обними меня.

Она села на стул, притянула к себе Лиасу и замерла, вздыхая. Как мать ни крепилась, Лиаса понимала, что жестокие слова соседней больно ее ранили. А ведь соседи наверняка наговорили ей гадостей не меньше, а то и больше, чем Джин и Дженна. Поэтому Лиаса крепко обняла мать в ответ, стараясь передать ей свое тепло и свою поддержку.

Наконец мать отпустила ее.

– Ну, хватит, не будем вешать нос, – сказала она, встала и огляделась. – А где наша вода?

Тут Лиаса вспомнила, что, убегая в слезах, совсем забыла про ведра. Она даже не могла вспомнить, в какой момент их выронила. Наверно, они так и остались у колодца. Пришлось возвращаться в третий раз. На этот раз, к своему большому облегчению, Лиаса никого не встретила. Когда она подходила к дому, в затянутом бычьим пузырем окошке виднелся свет. Внутри мать хлопотала у очага, от огня разносилось тепло, по дому плыл запах еды. Дом, весь день казавшийся холодным и мертвым, повеселел, наполнился движением и жизнью. Все-таки Лиаса была не одна.

Глава 2

Следующие несколько дней прошли в походах в суд, которые даже затмили на время поиски работы. Несколько раз Лиаса сопровождала мать. Походы заканчивались одним и тем же: магистрат занят, оставьте свое прошение в приемной (прошение необходимо писать уставным стилем, иначе оно не будет рассмотрено. Не умеете писать уставным стилем? помощник оформит его за вас за некоторую плату. Нет денег? тем хуже для вас), его рассмотрят позже, приходите завтра. Из внешних ворот магистрат выезжал в карете и на просьбы и мольбы не останавливался. В конце концов мать подсунула несколько монет стражникам («Несколько драгоценных монет, заработанных честным трудом ее родителей, которыегодились бы им самим!» – кипела про себя Лиаса), и они пропустили их с Лиасой во внутренний двор. Там мать с дочерью на целый день устроили засаду, чтобы подкараулить магистрата, когда он отправится в свою резиденцию по окончании дня.

Это был низенький, но весьма внушительной комплекции человек с маленькими щегольскими усиками на круглом и белом, похожем на паровую булочку лице. Он был так толст, что едва помещался в собственной одежде; живот был так туго обтянут богато вышитым шелковым платьем, словно это была мембрана барабана: ударь, и он загудит. Он медленно шел, отдуваясь и беспрестанно обтирая пот со лба, в окружении стражи к своей карете, ждавшей у выхода из внутреннего двора.

– Господин магистрат! – воскликнула мать, бросаясь к нему. Стража ошетилилась, но она не стала обращать на них внимания. Не станут же они бросаться с копьями и мечами на женщину с ребенком. – Прошу вас, уделите мне минуту времени.

Сначала магистрат сделал вид, что ничего не слышит и не видит. Стражник попытался оттолкнуть мать, но она воскликнула: «Как вы обращаетесь с одинокой женщиной!» – Лиаса для убедительности завизжала, играя роль безвинно оскорбленной, и он вынужден был отступить. После такого шума делать вид, что он ничего не замечает, магистрат уже не мог, это выглядело бы глупо. Он неохотно повернулся.

– Милочка, я спешу. Приходите завтра.

– Я не займу у вас много времени, – настаивала мать. – Господин, вы моя единственная надежда. Это касается моего мужа. Произошла ужасная несправедливость...

– Как зовут вашего мужа? – перебил магистрат.

– Даш Кулуш, господин. Он был осужден семь дней назад.

– Даш Кулуш? – магистрат наморщил лоб. – Да, да, конечно, – рассеянно сказал он. – Дело о мраморной каменоломне, конечно, я помню...

У Лиасы чуть не брызнули из глаз злые слезы. Человек, который отправил ее родных на принудительные работы, сравнимые с каторгой, и разрушил ее семью, уже забыл об этом! Горе семьи Даш для него было незначительным событием, не стоящим внимания!

– Его обвинили в порче государственного имущества, – сухо поправила мать. – Господин, я прошу о...

– Милочка, оставьте это, – перебил ее магистрат. – Да, я вспомнил дело вашего мужа. Если бы дело шло об обыкновенном браке в какой-нибудь мастерской, я бы с удовольствием вынес оправдательное решение, но речь шла о царском заказе. Обвинитель был предельно ясен и предоставил неопровержимые улики. Нарушение целостности в статуях, иными словами, дефекты, было видно невооруженным глазом. Другого приговора быть не могло.

Конечно! Это и было доказательством того, что отца осудили по ложному обвинению. Как мог отец пропустить то, что невооруженным глазом разглядел старый чиновник, ни бельмеса не смыслящий в работе над глиной! Мать, очевидно, думала так же:

– Однако это не имеет смысла, мой муж был первоклассным мастером, – начала она.

– Слово суда – слово царя, а слово царя – закон, – продолжал магистрат, не обращая внимания на попытки матери вступить за отца. – Закон имеет силу лишь когда исполняется. Неисполнение ведет к неповиновению, неповиновение – корень разброда, от разброда рушится царство. Почитание закона, суда и царя – вот на чем держится мир. Ну, не плачьте, милочка. Я и без того был мягкосердечен и, даже имея в виду урон государственному имуществу, назначил минимальное возможное наказание: всего три года исправительных работ.

Слушая самодовольные разглагольствования магистрата («Был мягкосердечен!» «Всего три года исправительных работ!»), Лиаса едва сдерживалась, чтобы не брякнуть что-нибудь непочтительное. Как будто этот старый балабол не понимал, каковы шансы на возвращение отца и старшего брата! И он совершенно не желал слушать никого, кроме себя. Ждать от него справедливости было бесполезно, скорее тучи прольются кровью и пустыня Кирбэ зазеленеет. Когда магистрат остановился, чтобы перевести дух, мать сказала:

– Спасибо, господин. Тогда позвольте навестить завтра вашего помощника. Я бы хотела взглянуть на приговор мужа своими глазами.

Добродушие магистрата как рукой сняло. Его круглое лицо потемнело.

– Я был снисходителен к вам и вашему горю. Но своими постоянными набегами вы меша-ете работе суда. Если вы не оставите своих попыток саботировать соблюдение закона, я буду вынужден вас арестовать.

Стража угрожающе надвинулась на них. Если бы магистрат приказал им применить силу, они получили бы право обращаться с Лиасой и ее матерью, как им заблагорассудится.

– Прошу меня простить, – сдавленно сказала мать, схватила Лиасу за руку и быстро ушла.

Они остановились только когда достаточно далеко отошли от здания суда.

– Ему что, так жалко было, – пробурчала Лиаса.

– Если в конце года у магистрата наберется слишком много незавершенных или пере-смотренных дел, царь может решить, что он не соответствует своей должности, и снимет его, – сказала мать. – Зато если по окончании года у него не будет ни одного незавершенного или пересмотренного дела, ему могут назначить повышение. Так мне объяснял твой отец, когда его знакомого ложно обвинили во взяточничестве. Наверно, он просто не хочет портить свой список.

– А мы не можем пожаловаться кому-нибудь еще? Кому подчиняется магистрат?

– Наместнику провинции. Но магистрат должен сам передать дело, иначе его не примут.

– Это же совершенно несправедливо! – воскликнула Лиаса.

– Таковы наши законы.

– Это дурацкие законы. – Лиаса помолчала. – А что случилось с тем знакомым?

– Его оправдали.

– То есть это возможно! – вскинулась Лиаса.

– Это было еще до твоего рождения. В прежние дни, когда правил другой царь, судебные дела велись по-другому. По крайней мере, никто не стал бы выносить приговор, не выслушав обвиняемого.

– Да чтоб у него самого случилась такая же ситуация, и наместник провинции отказался пересмотреть его дело! – прошипела Лиаса.

– Не говори так, – одернула мать. – Так меня учила моя мать, когда я была совсем крош-кой, и я навсегда запомнила ее урок, теперь запомни и ты: слово кажется легче перышка, и его легко уносит ветер, но вес его тяжелее, чем гора Сумбер. Когда мы просим помощи богов, мы клянемся: слово мое истинно, ибо я честна и праведна. Не разбрасывайся словами, иначе в трудную минуту боги не поверят тебе.

Внезапный урок нравственности вместо утешения и поддержки сильно обидел Лиасу, хоть она и не стала ничего говорить вслух. Часто ей казалось, что мать уж слишком осторож-ничает в жизни.

Теперь, когда попытки добиться пересмотра приговора провалились, откладывать поиски работы было больше нельзя, и они снова попытались пройтись по соседям в поисках хоть какого-то заработка. Ни на Лиасу, ни на мать больше никто руку не поднимал; видимо, это был единичный эпизод первых дней, когда горе было свежим, и эмоции брали верх над рассудком. Соседи просто игнорировали их, при встрече переходили на другую сторону улицы, поворачивали назад или прятались за дверьми. На стук никто не открывал. Лиаса с матерью пытались наняться поломойками и посудомойками в тавернах и гостевых домах, сиделками для больных и немощных. Они обошли, наверно, все богатые дома, чтобы наняться служанками. Казалось, что жители в едином порыве отвернулись от них. Лиаса с матерью только и слышали: «К сожалению, мы не нанимаем», «Здесь вы ничего не найдете, уходите», и самое жестокое: «Нам ничего не надо от семьи преступников». Услышав такое в первый раз от ключницы, открывшей ей дверь, Лиаса вспыхнула.

– А нам ничего не надо от вонючей старой потаскухи! – выкрикнула она в огорошенное размалеванное лицо ключницы, развернулась и убежала. Вслед ей с грохотом захлопнулась дверь, и было слышно, как что-то упало.

– «Надеюсь, ей достанется за шум», – зло подумала Лиаса.

Может, люди и пожалели бы жену и дочь обычных преступников, но не семью главного мастера, занимавшегося статуями самого царя.

– Это была слишком важная работа, и цена ошибки оказалась слишком высока, – объяснила мать. – За нее пострадал не только твой отец, но и все, кто находился под его командованием и зависел от его решений. Люди не забудут и не простят этого.

– Скажи лучше: они завидовали его успеху и обрадовались его падению, – пробормотала Лиаса.

Мать никак не одернула ее, хотя обычно строго следила за тем, чтобы никто в семье не бранился, не пустословил, не говорил лишнего. Так Лиаса поняла, что ее мать устала, так устала, что близка к отчаянию.

Чтобы не потратить слишком быстро оставленные на черный день медные и серебряные монеты, пришлось ту же затянуть пояса. Золотые монеты, припрятанные в сундучке, по обоюдному молчаливому согласию решили не трогать столько, сколько возможно: казалось почти кощунственным касаться денег, заработанных отцом и старшим братом. Завтракали одним пустым рисом и запивали водой: мать боялась слишком быстро потратить запасы хорошего чая. Вместо мяса на столе была одна рыба. Лиаса смутно помнила, что так они питались, когда она была совсем маленькой. Но за время работы отца над царскими заказами она совсем отвыкла от такой пищи, и мысль о том, что придется питаться подобным образом постоянно, приводила ее в ужас.

«Ничего, это только на три года, а там отец и старший брат вернутся, и все наладится», – успокаивала себя Лиаса и сама не знала, верит она себе или нет.

Однако как они ни старались, деньги стремительно таяли. В очередной раз пересчитывая их скудные запасы, мать внезапно в сердцах бросила монеты на стол и заплакала. Лиаса вздрогнула от неожиданности.

– Мама, что случилось? – воскликнула она.

– Мы же не выживем, – плакала мать. – Никто не дает нам работу. Они что, надеются, что мы умрем с голоду? Даш Кулуш всегда был щедр и не отказывал тем, кто приходил к нему за помощью. Что бы он сказал, если бы увидел, как к нам относятся?

У Лиасы тоже защипало в глазах.

– Папа предлагал нам ехать к дяде Очиру, если станет плохо, – осторожно напомнила она.

Лиаса никогда не видела дядю Очира и его семью. Общение их семей друг с другом ограничивалось пересылкой поздравлений и небольших подарков в новый год и праздник урожая, в остальное время Даш Очира словно не существовало.

– Мы так давно не виделись. Как к нам отнесутся в семье Даш Очира? – грустно сказала мать.

– Мама, почему ты не хочешь ехать к ним? – спросила Лиаса. Ей казалось странным, что мать медлит. – Они плохие люди?

– Нет, нет, – поспешно сказала мать. – Они не плохие люди. – Несколько раз она набирала в грудь воздух, чтобы что-то добавить, но так ничего и не сказала.

«Что за люди семья дяди?» – с беспокойством подумала Лиаса. Тихой и скромной матери они явно не нравились, это было не к добру.

После двух дней сомнений пришлось признать очевидное: оставаться в городе больше нельзя. Тяжелее всего было решиться продать дом. Три года назад они въехали в него с радостью, полные надежд на благополучное будущее. Кроме старого столика, все в нем было новым: семья собиралась начать новую жизнь. Мать с Лиасой перебирали вещи, чтобы выбрать те, которые они смогут взять с собой. Одежду и инструменты отца и старшего брата приходилось оставить; это оказалось неожиданно больно сделать. Лиаса постирала и заштопала их одежду, потому что думала, что они еще пригодятся своим владельцам; теперь ей казалось, что она разбирает вещи умерших. Посуду, часть собственной одежды, большую часть постельных принадлежностей, скатерти и занавески, милые вещички вроде подушек, коробочек и шкатулок тоже приходилось продать.

Чтобы не свалиться родственникам на голову нежданно-негаданно, мать написала им письмо. Ответа не пришло. Оставалось надеяться, что они все-таки получили его. Из-за спешки все приходилось продавать дешево; особенно обидно было продавать дом, который купил отец, практически за бесценок. Покупатели нашлись быстро. Это была молодая семья, главе которой удалось получить хорошее место писца в каком-то департаменте. Лиаса подумала, что три года назад ее родители выглядели так же, когда покупали этот же дом: счастливыми, полными надежд. Девочка надеялась, что у новых хозяев все сложится хорошо.

Как Лиаса ни готовилась морально, день отъезда все равно наступил неожиданно. Она в последний раз переночевала в своей кровати. Теперь это даже не была ее кровать: вся мебель, конечно, была продана вместе с домом, продали даже старый столик, который был единственной памятью о предыдущей старой лачуге. Хоть он и был неказистым, потрепанным жизнью, и до этого дня Лиаса не обращала на него особого внимания, он прошел с семьей весь путь от бедности к сытой жизни и обратно, и теперь Лиасе казалось, что она расстается со старым другом. Она присела за него, погладила грубую выщербленную столешницу.

Соседи, у которых забрали родных из-за оплошности отца, по-прежнему недобро косились на них, поэтому какая-то часть Лиасы малодушно радовалась переезду, как ни жаль было расставаться с домом. Мать купила тележку. Они погрузили на нее все вещи, а также не забыли остатки дорогого белого риса, пшена и муки в доме.

«Как хорошо было бы, если бы вместо нынешнего царя был кто-нибудь другой, подобнее, – думала Лиаса, – мы бы сейчас этим не занимались, отец с братом были бы дома. Хоть бы проклятый царь помер!»

Будто им не хватало забот, обнаружилась неожиданная проблема: они могли взять с собой гораздо меньше, чем ожидали, потому что груженная тележка оказалась неподъемно тяжелой, гораздо тяжелее, чем мать с Лиасой могли докатить до дома дяди. Со слезами на глазах пришлось расстаться почти со всей одеждой, постельным бельем, подушками и одеялами, бросить сервиз из тонкого белого фарфора и множество дорогих сердцу безделушек, маленьких и легких по отдельности, но вместе вдруг превратившихся в многопудовый груз. Пришлось оставить себе единственное одеяло, один матрас, два комплекта постельного белья, две подушки, по три смены одежды на каждый сезон. В результате оказалось, что вся накопленная за три года жизнь растаяла вместе с домом. Что-то было закономерное в том, что вещи,

нажитые трудом отца, исчезли вместе с его уходом. Как три года назад они въехали в новый дом с единственной тележкой вещей, так и покидали его сегодня.

Наконец все было готово. Они сняли с гвоздя домашний оберег, и мать спрятала его за пазуху. Не стоило так бережно обращаться с ним, сердито подумала Лиаса. Оберег был очень старый и очень дешевый, отец купил его лет десять назад за десять медных монет, и проку от него не было никакого, ведь он не смог отвести беду. Можно было просто сжечь его в очаге.

Мать заперла дверь и положила ключ в условленное место. Затем она взялась за ручки тележки, и они начали долгий путь до дядиного дома.

Дядя Очир жил в деревне за городской стеной. Идти было нелегко, у Лиасы страшно болела спина и ныли плечи. Матери приходилось еще хуже, ведь именно она тащила за собой тележку, пока Лиаса толкала сзади. Через каждые несколько минут приходилось останавливаться. Также им пришлось выдержать досмотр у стражи у ворот. Стражники бесцеремонно перевернули тщательно уложенные вещи, из-за чего пришлось остановиться, чтобы снова навести порядок. В итоге они потихоньку плелись почти весь день, и пришли к дядиному дому, когда короткий зимний день давно закончился. Здесь никто не вешал над дверями зажженных фонарей, как это делали в городе; хорошо, что светила луна. В темноте они нечаянно прошли мимо нужного дома и еще какое-то время блуждали вдоль казавшихся одинаковыми строений.

– Вот он! – наконец с облегчением объявила мать. – Мы пришли.

Не то чтобы Лиаса ожидала, что у дяди Очира их встретят с распростертыми объятьями, но все-таки она ждала более радушного приема. Дом дяди был такой же развалюшкой с единственной комнатой, от которой они сами было избавились, когда отец купил новый дом. Он показался Лиасе сырым, темным и мрачным, как какие-то застенки, не хватало только решетки на крошечном окне, почти не пропускавшем света. Несмотря на зимний холод, в очаге не горел огонь. Вместо масляных светильников и тем более свечей дом освещался лучиной, воткнутой прямо в щель в стене. Насколько Лиаса могла судить, все вещи лежали на своих местах, но все равно создавалось ощущение беспорядка. В доме находилась только тетя Ния, жена дяди Очира. Она показалась Лиасе такой же темной и мрачной, как и дом, хозяйкой которого она была. Она была одета в платье, сшитое из множества разных лоскутков. Фартук, вероятно, когда-то был белым, но уже давно превратился в неопределенного цвета тряпку. По сравнению с ней мать Лиасы в скромном платье с красной и черной вышивкой казалась настоящей царицей. На приветствие матери тетя буркнула что-то себе под нос и махнула рукой в сторону стола. Лиаса наконец поняла, что и дом, и тетя ей напоминают: сказки о злых горных ведьмах, ночами похищающих путников.

Из еды на столе лежали только лепешки. Впрочем, холодные глаза тети немного потеплели, когда она увидела привезенные матерью крупы и муку; а когда мать подала ей небольшой мешочек с деньгами как плату за, как она выразилась, «непреднамеренное вторжение», тетя аж просияла. Мешочек с деньгами испарился, как по волшебству, а тетя разожгла очаг, и к лепешкам скоро прибавилась пшенная каша, суп из речной рыбы и водорослей, речная же рыба, на этот раз жареная, и маринованная редька на закуску.

Тетя настолько подобрела, что даже подседа к ним поговорить, пока они насыщались с долгой дороги. Она рассказала, что глава семьи со старшими детьми, двумя дочерьми и двумя сыновьями, каждый день ходил работать в город. Вернее, не совсем так, поправила тетя. Дочери сумели устроиться служанками к каким-то богачам и возвращались домой только по большим праздникам. Двое сыновей батрачили. Часто случалось так, что они зря ходили целый день по городу и ничего не зарабатывали и возвращались поздно вечером. Но иногда им удавалось наняться на пару дней построить или отремонтировать дом, починить прохудившуюся крышу, поставить новый сарай. Дядя Очир работал глиномесом в какой-то мастерской; платили негусто, зато регулярно. Младший сын служил при храме в другом городе и, как и сестры,

приезжал домой только по большим праздникам. Тетя особенно гордилась именно тем, что ее младший сын сумел устроиться слугой в храме на реке Тес. Он учился читать и писать, так что возможно, он мог бы остаться учеником, а затем стать жрецом, и тогда теплое местечко и спокойная жизнь были бы ему обеспечены. Она так долго расхваливала беззаботную жизнь в храме: еда три раза в день, собственные поля и стада овец; свои ткацкие мастерские, круглый год обеспечивающие одеждой, постоянный приток паломников, приносящих пожертвования, - что вечером Лиаса спросила у матери, почему бы им самим не отправиться в храм, где служил троюродный брат, и устроиться там прислугой.

– Не так уж и далеко он находится, – воодушевленно сказала Лиаса. – Даже с поклажей мы могли бы дойти за неделю, я уверена.

– Все, кто удостоился чести служить в храме, должны оставить все нажитое за его воротами, – охладила мать ее пыл.

Лиаса посмотрела на их драгоценный сундучок, вспомнила все сокровища, которые там хранились: подаренные отцом материны украшения, ее красное с золотом праздничное платье, прекрасный отрез шелка, из которого однажды Лиаса сошьет собственный свадебный наряд, накопленные отцом золотые монеты и главное, отцовскую книгу в толстом переплете с позолоченными уголками, – и подумала, что ни за что на свете не готова с ними расстаться.

Дядя Очир и двое сыновей вернулись вместе, когда уже темнело. Все трое были высокими, выше отца, поджарыми и загорелыми до черноты. Больше всего они напомнили Лиасе потемневшие и перекрученные старые коряги. Они тоже были хмурые и неулыбчивые, сыновья дяди даже не подошли познакомиться со своей троюродной сестрой, хотя они виделись в первый раз. Все члены семьи прекрасно подходили друг другу, когда все расселись за столом, получилась гармония мрачных молчаливых лиц. Как и тетя, дядя немного посветлел лицом, когда увидел привезенные матерью Лиасы продукты и деньги. За столом почти не разговаривали; если кто-то что-то говорил, то отвечали ему утвердительным или отрицательным мычанием. Получалось что-то вроде: «Надо наколоть дров», – «Угу»; «Передай маринованную редьку», – молча протягивает. Лиаса подумала, что понимает, почему отец не любил с ними общаться, ограничиваясь небольшими подарками на новый год и праздник урожая. Впрочем, Лиасу и мать не гнали, и тетя положила им в тарелки столько же еды, сколько себе, своему мужу и детям. Спать их уложили у очага, больше было негде. Они постелили себе на полу привезенные из дома одеяла. Было жестко и неудобно. Все легли спать. Очаг погас, и сразу потянуло холодом. Несмотря на усталость, Лиаса ворочалась полночи, пытаясь найти удобное положение, при котором не болели спина и плечи и не задувало под одеяло. Ей было тоскливо.

Радость при виде продуктов и денег скоро кончилась, и жена дяди Очира вернулась к своему молчаливому и хмурому состоянию.

– Не все люди от природы веселые, – сказала мать в ответ на это замечание. – Будь с ней более чуткой.

Не то, чтобы Лиасе хотелось быть особенно чуткой с женщиной, похожей на горную ведьму, но она понимала, что они зависят от ее расположения к ним. Если тетя захочет выгнать их из своего дома, дядя Очир вряд ли вступится за них. Поэтому Лиаса неизменно оставалась вежливой с тетей.

Первые дни качество еды оставалось приемлемым, хотя про себя Лиаса думала, что ее мать готовит гораздо лучше. Но едоков в доме было много, подаренные матерью деньги, видимо, закончились, и вкусная еда закончилась вместе с ними. Тетя снова пекла лепешки из серой муки. Лепешки получались какие-то кислые, при жевании на зубах что-то хрустело. Хотя привезенная матерью хорошая мука еще оставалась, тетя не хотела ее тратить, и приходилось давиться кислятиной. Дорогой белый рис, также оставшийся из дома, тоже приберегался про запас, нужно было довольствоваться старым серым пшеном. Даже речная рыба исчезла

со стола, хотя что с ней-то не так, Лиаса никак не понимала. Вот она, речка, течет у деревни, рыба в ней водится.

Какие бы надежды не лелеяли мать с Лиасой, им быстро суждено было разбиться. В деревне не было лишней работы, каждый держался за свое рабочее место буквально зубами. Мать ходила по домам и предлагала услуги швеи и прачки, и пара заказов ей все же перепала. Главным заказчиком была старенькая бабушка, жившая одна. С возрастом у нее испортилось зрение, и мать помогала ей штопать одежду и прибираться в доме. Главным недостатком бабушки, думала Лиаса, было то, что она откуда-то знала отца и его семью, и каждый раз начинала слезливо причитать об их нелегкой судьбе.

– Я стала так стара, что плохо вижу и совсем не выхожу из дома, – сказала она, когда мать с Лиасой впервые постучались к ней. – Ты ведь вдова Даш Кулуша, Айла. Я хорошо помню тебя, хоть и видела один раз, когда Даш Кулуш сватался к тебе.

У Лиасы испортилось настроение, когда мать не стала ее поправлять. Как же, «вдова»!

– Скверное с ним приключилось несчастье, ох, скверное, – продолжала старушка. – Как же он так оплошал. Он ведь был самым талантливым среди своего поколения.

– Вы знаете Даш Кулуша? – удивилась мать.

– Конечно, знаю. В деревне все друг друга знают, а к тому же мы с моим покойным мужем были соседями с его родителями. Хорошие были люди, кто же знал, что с ними приключится такое горе. Меня приглашали на твою свадьбу, но мой старик уже тогда серьезно болел, и я не могла оставить его одного. Конечно же, мы прислали подарок, подушки и одеяльце для будущего ребенка, наверно, ты помнишь их, на гусином пуху, я расшила их пионами, а пух муж собрал сам, когда еще мог охотиться.

– Да, конечно, я помню, это были прекрасные вещи, – сказала мать. – Они очень пригодились, когда родился наш сын.

– Даш Энгер, такой благородный молодой человек. Я слышала, он был обручен. Такое горе, такое горе...

Для человека, который совсем не выходил из дома, она была отлично обо всем осведомлена.

– Где ты живешь сейчас? – спросила старушка.

– Мы остановились у Даш Очира.

– Да, да, конечно, Ния что-то такое говорила.

«Тетя Ния, значит! Вот старая ведьма, все разболтала! – с досадой подумала Лиаса. – И когда только успела?»

Ей вовсе не хотелось, чтобы вся деревня узнала об их горе. Она прекрасно помнила, как обошлись с «членами семьи преступника» в городе.

– Даш Очир, я слышала, работает глиномесом. Он совсем недавно получил это место. Знаете, я совсем не удивилась, когда узнала об этом. Он был не так талантлив, как Даш Кулуш, и скульптора из него не вышло, как его отец ни старался.

Старушку звали Ани. У нее было не так уж и много одежды для починки, да и заплатить она могла лишь одной-двумя медными монетками. Мать жалела ее и иногда приходила помыть ей полы и прибраться в доме бесплатно, что обычно заканчивалось тем, что мыла и убиралась Лиаса, а мать сидела с хозяйкой и слушала ее бесконечные рассказы об ушедшей молодости. Но какой бы болтливой ни казалась бабушка Ани, кое-какую тайну она хранила у самого сердца: что же случилось с семьей отца. Если она когда-то была их соседкой, то должна же она была знать, что с ними случилось. Но как Лиаса ни старалась, на все вопросы старушка отвечала только: «Скверное приключилось несчастье, ох, скверное», – и больше от нее ничего нельзя было добиться. От этой загадочности Лиасе начало казаться, что она скрывает какую-то грязную тайну, разглашение которой может повредить людям. Неужели родители отца, ее бабушка и дедушка были замешаны в каком-то преступлении или скандале? Они были богаты, может,

они нажили свое состояние нечестным путем, и однажды это раскрылось? Или они несправедливо обошлись с кем-то? Оскорбленный ими человек поклялся отомстить своим обидчикам, и путем долгих манипуляций и махинаций сумел разорить ее семью? В общем, воображение Лиасы начинало работать на полную мощность.

– Мама, – спросила Лиаса. – Что за несчастье произошло с семьей отца, о котором говорит бабушка Ани?

– Ах, какое это имеет значение, дочка, – ответила мать. – Это было очень давно.

– Но мне так интересно. Я совсем не знаю ничего про бабушку и дедушку!

– Твои бабушка и дедушка уже давно умерли – да будет их следующее перерождение благоприятным. Нам надо думать о том, как самим прожить.

Лиасе совсем не перепало работы, если не считать бесплатной помощи бабушке Ани. Матери тоже не удавалось заработать достаточно денег. Лиаса понимала, что в семье дяди они стали лишними ртами. Будто этого было недостаточно, Лиаса не могла завести друзей. Местные девочки убегали и прятались от нее, как делали их соседи в городе, когда Лиаса пыталась подойти к ним. «Тетя Ния или старуха Ани разболтали всё», – злилась Лиаса. Если в деревне некоторые взрослые еще были готовы проявить милосердие, пусть и к жене и дочери преступника, то дети были более жестоки.

«Если подумать, полное игнорирование – это не так уж и плохо, – поразмыслив, решила Лиаса. – Если бы они кидались камнями или лезли в драку, было бы куда хуже».

Но как бы она ни старалась успокоить себя этим, полное одиночество и косые взгляды в доме дяди продолжались. По утрам Лиаса старалась уйти из дома как можно быстрее, и вечером ей совсем не хотелось туда возвращаться. Иногда она мечтала, чтобы они с матерью взяли и ушли. Но идти было некуда. Мать Лиасы рано осиротела, ее воспитывала бабушка, которая даже не была ей родной, так, доброй соседкой. Мать всегда с теплотой вспоминала ее, именно бабушка научила мать шить и вышивать. Когда матери исполнилось шестнадцать лет, не стало и бабушки. Лиаса не сомневалась в том, что отец любит мать, но ей доводилось слышать разговоры соседей о том, что отец взял в жены ее мать не в последнюю очередь потому, что за нее не надо было платить выкуп невесты. Это, наверно, было единственным положительным моментом в разорении отцовской семьи. Богатая семья и не посмотрела бы в сторону бедной сиротки без роду и племени; скорее всего, отец и мать и не встретились бы никогда. Зато сын обнищавших родителей, вынужденный скитаться по городам и деревням и зарабатывать деньги упорным трудом, случайно встретился с такой же трудолюбивой скитальцей, и в конечном итоге женился по любви. С другой стороны, это означало, что Лиаса с матерью могли положиться только на родственников со стороны отца, которых тоже было не так уж и много, а таких, с кем у отца оставались добрые отношения – еще меньше. Остаться совсем одним без поддержки родных было слишком страшно.

Сегодня тетя была необыкновенно разговорчива. Причину подозрительной словоохотливости тетя скоро раскрыла: сегодня должен был прийти почтальон, и она надеялась получить письмо от младшего сына, служившего при храме Чистоты на реке Тес. Это был ближайший к деревне храм. Храмы Чистоты находились на нижней ступени иерархии, они проводили богослужения, свадьбы и похороны, при них жили жрецы-лекари. Но у них не было предсказателей и астрологов, которые служили в храмах Ясности, стоявших выше в иерархии. Самым главным был храм Двух Рек, получивший свое название по расположению в месте слияния Энсея и Онгона. Его верховный жрец и настоятель считался главой всех жрецов страны.

Не каждый город или поселок имел при себе храм; вернее было сказать, это храмы имели при себе город или поселок. Люди верили, что эти культовые сооружения стояли только в местах, обладавших особой энергией или историей. О храме Чистоты на реке Тес ходила такая легенда: давным-давно, когда боги и демоны бродили по земле, местный герой схватился с

ужасным чудовищем, державшем в страхе окрестные деревни. Противники бились три дня и три ночи; на четвертый день герой одолел врага. От удара его копья содрогнулась земля, вскипела вода, река Тес изменила русло и побежала в объятья Энсея. Там, где речное ложе изогнулось, и возник храм.

– При храмах обычно бывает работа, – как бы невзначай сказала тетя. Когда мать ничего не ответила на это, она добавила. – В деревнях работы не сыщешь, как ни старайся, иначе я бы сама не сидела дома.

«А сама-то в храм не спешит, – неприязненно подумала Лиаса. – и мужа с другими сыновьями не гонит. Конечно, кому охота расставаться с нажитым имуществом!»

Ей вспомнились чудесные комплекты постельного белья и белые скатерти, богато вышитые трудами Лиасы и ее матери, мягкие одеяла, пухлые подушки и подушечки, сервиз из тонкого белого фарфора и еще множество приятных сердцу вещичек и безделушек, которые пришлось оставить вместе со своим домом. Лиаса сердито оглядела бедную обстановку тетиного жилища. Прохудившиеся подушки и одеяла, давно потерявшие цвет и все в каких-то пятнах; темная закопченная посуда, мятая и гнутая; одежда, составленная из каких-то лоскутков. И сам дом был тесный, темный, ужасно неопрятный. Не сказать, что тетя и дядя многое потеряют, если избавятся от своего барахла и переедут жить в храм, а поди ж ты! Не хотят расставаться даже с таким, с позволения сказать, хламом.

– В наше время работа всегда есть только на шахтах и стройках, – продолжала тетя. – Я слышала, что в столице разбивают новый парк, а в городе Бира возводят новый дворец.

«Тоже мне, шахты и стройки, – сердито подумала Лиаса. – Как можно такое предлагать! Все равно, что самим добровольно пойти на каторгу!»

– Может, попробовать податься туда готовить еду, – неуверенно сказала мать, но жена брата отрезала:

– Такие места всегда заняты женами рабочих.

От громкого стука в дверь Лиаса с матерью вздрогнули и замерли, как напуганные кролики. Лиасе сделалось неловко, когда голос из-за двери крикнул:

– Почта!

– Это от сына! – тетя поспешила к двери.

Не в силах сдержать любопытство, Лиаса вперила взгляд в дверной проем. Снаружи действительно стоял почтальон с большой сумкой на боку.

– Письмо для Даш Очира и его жены Нии. – сказал он.

– Я Ния. – сказала тетя, почтальон отдал ей письмо и ушел.

– Мы так давно не получали известий от сына, – сказала тетя, вернувшись в дом. От волнения она даже покраснелась и совсем забыла о том, что надо хмуриться. – Как жаль, что я не умею читать, придется ждать, когда вернется муж.

– Я умею, – сказала Лиаса. На недоверчивый взгляд тети она настойчиво повторила. – Я умею, папа научил меня.

– Какая трата времени для девочки, – проворчала тетя, но желание скорее узнать, что писал сын, пересилило ее, потому что она протянула письмо и сказала. – Прочти мне!

«И ни спасибо, ни пожалуйста», – возмутилась про себя Лиаса, но развернула письмо.

Потом, гораздо позже Лиаса вспоминала об этом письме, ставшем отправной точкой в ее невероятном приключении, и удивлялась тому, каким банальным оно было. Это было обычное письмо, каких троюродный брат написал десятки, но именно в этом содержалась новость, перевернувшая всю ее жизнь. А ведь Лиаса могла легко пропустить его. Она могла отсутствовать, когда пришел почтальон, тетя могла не доверить ей чтение письма, почтальон мог прийти позже, когда дядя уже вернулся бы домой, и ее услуги не понадобились. В конце концов, оно могло просто не дойти. Однако все линии сошлись, будто сама судьба распорядилась так, чтобы Лиаса смогла начать свой долгий и трудный путь – будто Лиаса должна была начать свой дол-

гий и трудный путь, встретиться с людьми, которых она встретила, и повлиять на их судьбы и решения так же, как они повлияли на нее.

Письмо было длинным, написанным мелким почерком на самой дешевой серой бумаге. Троюродный брат писал народным написанием простолюдинов, но использовал правильный стиль, которым пользовались в личной переписке образованные люди. Лиасе было очень странно видеть такое сочетание, будто она смотрела на многоцветную вышивку золотом и шелком на простой мешковине.

«Дорогие отец и матушка, сердце мое радуется, что скоро я увижу вас и обниму своими руками», – начиналось письмо. Далее следовал обычный вопрос о здоровье родителей. А дальше полился бесконечный поток мелких происшествий и сплетен, из которых Лиаса узнала, что один из штукатуров упал с трехметровой лестницы и крепко ушибся, но выживет; что они вторую неделю каждый день едят горох; что не подвозят чернила; что чернила подвезли, и так далее и тому подобное. Эта бесконечная череда незначительных событий, видимо, составляла всю его жизнь. Скоро Лиаса читала, не вникая в смысл, просто механически проговаривала слова. Тетя слушала ее с затуманившимися глазами и легкой улыбкой; такое выражение лица Лиаса видела у нее впервые. Лиаса настолько отрешилась от реальности, что в недоумении подняла голову, когда тетя громко ахнула, и на ее глазах навернулись слезы. Лиаса поспешила еще раз перечитать тот участок письма, который вызвал у тети настолько сильную реакцию, и сама не смогла удержать потрясенный вздох:

«Только что настоятель возвестил, что великий Аум, всеведущий и всемогущий, явил знамения, что приближается день, когда двери в его дворец откроются. Настоятель назвал наступающий год високосным и повелел, чтобы храм был подготовлен к встрече нового года надлежащим образом и чтобы все работники храма проявили при этом особое рвение. Спешу с сожалением доложить, дорогие отец и матушка, что ваш недостойный сын не имеет возможности прибыть домой на новогодние праздники, в чем я горько раскаиваюсь, но такова воля великого Аума и желание настоятеля».

Конечно! Вот оно, решение!

Лиасе было жаль тетю: она так ждала своего младшего сына, которого редко видела, а теперь срок свидания с ним отодвигался на неопределенное время, может, на несколько месяцев. Но гораздо важнее для Лиасы была поразительная новость, которую так буднично сообщал в письме троюродный брат: впервые за столетие великий Аум был готов принять просителей.

Можно пойти к Ауму! Лиаса, конечно, знала, что девятивратный дворец Аума существует, что в новогоднюю ночь небесные и земные духи отправляются туда с докладом и получают наставления и приказания на весь следующий год. Но раньше, когда она читала сказания в отцовской книге, мысль о том, чтобы отправиться искать дворец Аума, казалось сказочно невозможной, потому что приключения Бокту и Бортэ казались ей такими же фантастическими, как детские сказки о храбром мышонке или о золотом горшке, которые рассказывала ей мать. Теперь же недостижимая мечта вдруг проросла в реальность. Кто еще может исправить происходящее в стране, вернуть справедливость, как не верховный бог, отец богов. Жестокий царь был корнем зла в Золотой стране. Подобно Бокту, Лиаса могла бы дойти до девятивратного дворца, пасть ниц перед тронем Аума и попросить, чтобы жестокий царь был свергнут и получил по заслугам. Тогда новый правитель освободил бы невинно заключенных, и семья Лиасы воссоединилась бы.

Чтобы не бросаться в новую идею с головой, Лиаса решила хорошенько обдумать ее и отправилась прогуляться. Она ходила туда-сюда по деревенской улице, и идея показалась ей вполне выполнимой. Не требовалось ни покорять чужие царства, ни вызволять принцесс, а всего лишь проделать путь от одной точки до другой. Это вполне можно было сделать своими собственными ногами, и особой физической силы тут не требовалось. Она вернулась домой

вполне уверенная в своем решении. Вечером, улучив момент, когда тетя вышла, Лиаса поделилась своими соображениями с матерью. Чтобы сразу не спугнуть мать, она начала издали:

– Мама, это правда, что любой желающий может прийти к Ауму и попросить исполнить заветное желание?

– К Великому Ауму, дочка, – рассеянно поправила мать. – Не любой желающий, а тот, кто выдержит путь до девятиворотного дворца.

– А что это значит?

– Говорят, что просителю придется выдержать неисчислимые испытания, чтобы доказать, что он достоин исполнения заветного желания. Вдруг это недобрый человек или лживый или жестокий, и больше всего на свете он хочет причинить зло другому человеку?

– А что за испытания?

– Не знаю. Наверно, они всегда разные. Откуда такой интерес?

– Ты помнишь, что написал троюродный брат? Великий Аум готов открыть врата в свой дворец! Значит, мы тоже можем пойти к нему и попросить, чтобы папу и старшего брата освободили.

Мать хмыкнула:

– Если бы все, кто хотел получить свое заветное желание, выстроились в очередь, она протянулась бы от Зеленого моря до пустыни Кирбэ. Мы стоим в очереди целый год.

– Но только подумай: папу и старшего брата несправедливо осудили, мы потеряли почти все имущество, положение хуже некуда, и в этом же году мы получаем такую новость! Это же знак! Послушай, что я придумала: мы пойдем в тот храм, где служит троюродный брат, и узнаем, как найти гору Сумбер, а потом пойдем от деревни к деревне. В нашу тележку поместится много вещей, а если приделать к ней крышку, в ней можно ночевать...

Мать даже оторвалась от шитья от возмущения.

– Ты это серьезно говоришь? Я думала, ты говоришь понарошку. Дочка, женщина не может попасть к Ауму, а даже если бы и могла, я бы тебя не пустила. Подумать только, идти за заветным желанием... - мать покачала головой.

Лиасу обидело ее пренебрежение.

– И что теперь, ты предлагаешь нам просто ждать и ничего не делать? И нигде не написано, что женщина не может попасть к Ауму!

– Чему-то не обязательно быть написанным, чтобы быть правдой. Все это знают.

– Кто – все? Соседи, которые говорили нам гадости и бросались камнями? Люди, которые отвернулись от нас? Что они могут знать! Они что, вхожи в собрания богов, чтобы быть так уверенными. Или сам великий Аум нашептал им на ухо?

– Следи за словами, – рассердилась мать.

– Я говорю, что думаю! – Лиаса тоже распалилась. – Никто из людей не поднимался в новогоднюю ночь на небесный праздник духов, откуда им знать, что боги позволяют, а что нет.

– Дочка, я не знаю, что сказать, когда ты говоришь такие вещи, – мать чуть не уронила с колен шитье. – Зачем тебе заветные желания, через три года твой отец и старший брат вернутся.

– Ты же сама в это не веришь! – в сердцах выкрикнула Лиаса.

Лицо матери исказилось болью.

– Я не хочу просто ждать и надеяться, что отец и брат вернутся живыми и здоровыми, – продолжала Лиаса. – Я хочу сделать что-нибудь. Мы пытались добиться справедливости от магистрата, но ничего не вышло. Кто еще может восстановить справедливость, как не Аум?

Лиасе стало жарко, так сильно она была возмущена. Мать сделала глубокий вдох.

– Дочка, я понимаю, как тебе больно. Тебе кажется, что выхода нет, но вот что я придумала. Когда станет тепло, я попробую вернуться в город. Не будут же наши бывшие соседи так долго держать на нас зло. Думаю, они уже остыли. Я снова попробую найти работу. И еще: на всякий случай я поговорила с Нией и узнала, где находится храм, в котором служит ее сын.

Он относительно недалеко, и до него легко добраться. К нему ведет одна дорога, с нее нельзя сбиться. Если не получится найти работу в городе, мы поищем работу там. Я уверена, уж там нам не откажут, и мы сможем начать новую жизнь.

А как быть с тем, что им придется расстаться с подаренными отцом украшениями, с праздничным красно-золотым платьем, с отрезом дорогого шелка, с золотыми монетами и главное – с книгой? Неужели мать готова вот так взять и отрезать последнюю нить, соединявшую их с родными? Эта мысль была для Лиасы невыносимой.

– Тогда я пойду одна! – выпалила Лиаса. – Я докажу, что женщина может добиться милости Аума.

Мать всплеснула руками.

– Что за несносный ребенок! Тебе двенадцать лет. Куда ты пойдешь? А если ты умрешь в дороге? Тем, кто искал дорогу к великому Ауму, приходилось проходить через ужасающие испытания. А мы женщины, и врата в его дворец не откроются перед нами.

– Но...

– Нет! – сказала мать. – И это мое последнее слово.

Вошла тетя, и спорщицы затихли. Тетя окинула их подозрительным взглядом: наверно, она слышала их громкие голоса снаружи.

– Если у тебя столько свободного времени, что тебе в голову приходят глупые мысли, иди к тете, помоги ей с ужином, – строго сказала мать.

Лиаса надулась. Ей вовсе не хотелось подходить к тете: вечно хмурая тетя всегда смотрела на нее, как на так называемую «выкупленную» скотину: приходится кормить и невозможно избавиться. Раз уж мать приказала, она подошла к тете, но едва она приблизилась, тетя замачала на нее рукой:

– Ступай прочь, не мешайся под ногами. Иди набери воды.

Лиаса побрела к колодцу. Холодный зимний воздух остудил ее. Теперь, когда Лиаса немного остыла, ей пришлось признать, что смешно было идти к матери с такой идеей. Мать бы ни за что на свете с ней не согласилась, да и самой Лиасе, после выговора, ее затея казалась все более фантастической. Даже дорога к ближайшему храму выглядела невероятно дальней и страшной, а уж добраться до самой горы Сумбер или выяснить, где вообще эта гора находится, было совершенно невыполнимой задачей.

Ей стало так грустно, что она чуть не заплакала. Она стояла у колодца, задрала голову, чтобы дурацкие слезы вкатились обратно в глаза. Небо было голубое-голубое, совсем весеннее, и по нему плыли легкие белые облачка. Хоть на земле еще царил зима, на небесной реке уже начался ледоход. Приближался новый год.

Но теперь, когда идея оформилась, Лиаса уже не могла так легко выбросить ее из головы. Ведь другого выхода и правда не было. Изо дня в день посреди рутинной работы, помогая тете или бабушке Ани, она вдруг ловила себя на том, что думает, какую одежду можно взять с собой, чтобы защититься и от весенних дождей, и летнего зноя, и от осенней прохлады, потому что дорога к Ауму наверняка затянется на несколько месяцев. Набирая воды в колодце, она задумывалась над тем, как прокормить себя в дороге, ведь денег взять не получится. К золотым монетам, спрятанным в сундучке, Лиаса ни за что не прикоснется, а красть оставшиеся у матери серебряные и медные монеты тем более было нельзя. Можно взять с собой набор для шитья и идти от поселения к поселению, предлагая услуги швеи. Спать летом можно и на земле, а в случае дождя можно взять с собой непромокаемый плащ, оставшийся от отца. Или можно тайком забираться в чужие сараи, если случится проходить мимо деревни. Она знала, что к храму ведет единственная широкая дорога; если она пойдет на восток и не будет сворачивать, то рано или поздно придет куда надо. Эти мысли занимали ее, когда она ходила за водой и дровами, когда стирала, шила. Ей представлялось, как она уходит из опустыленного

дядиного дома, и перед ней расстилается целый новый мир, как ковер весь в чудесных узорах. Она плохо представляла себе, как выглядит мир за пределами ее повседневной жизни, но ей представлялось, что он непременно должен быть прекрасен. Хоть в доме дяди она ни разу не открывала отцовскую книгу, перед ее глазами, как наяву, вставали прекрасные иллюстрации, изображения далеких стран и неведомых животных, и чем тоскливее становилось, тем чаще она вспоминала их. Может, если она осмелится покинуть знакомые улицы, перешагнет порог и отправится в путь по пыльной дороге, она увидит своими глазами драконов, живущих в больших реках, полюбуется на танец облачных змей, когда они поднимают воду из моря, чтобы собрать из нее облака, и сможет поймать перо из хвоста небесных птиц.

Впрочем, все это оставалось лишь умозрительными рассуждениями, простой игрой воображения.

Однажды по дороге от колодца она замечталась на ходу, посколькунулась на обледеневшей дороге и уронила полные ведра воды. Несмотря на холодный воздух, солнце уже заметно грело и подтапливало снег, который ночью снова замерзал и превращал дороги в каток. Лиаса даже сообразить не успела, как уже лежала, растянувшись на земле, а ее ведра покатались, грохоча и подпрыгивая. Какие-то мальчишки захохотали. Никто из прохожих не подошел к ней, чтобы помочь. Хорошо еще, что она не упала в получившуюся лужу! Такого унижения она бы не пережила. Это ее отрезвило.

– О чем я только думаю! – рассердилась она. – Дойти до дворца Аума – тьфу! Глупость, блажь! Надо же так обманывать себя. Надо перестать забивать себе голову ненужными вещами.

В ту ночь ей приснился сон о том, как перед дядиным домом опустилась огромная птица с пятицветным оперением и горящим хохолком на голове, будто сошедшая со страниц отцовской книги. Так как это был сон, Лиаса совсем этому не удивилась, а подбежала к птице и забралась ей на спину. Птица будто только этого и ждала и сразу поднялась в небо.

Дом дяди сразу провалился вниз и стремительно уменьшился. Вот он стал размером с тыквенное семечко, вот – с рисовое зерно, вот – с маковое зернышко, а вот и вовсе пропал. Лежащий рядом город мог бы уместиться на ладони. Птица взмахнула крыльями, и город стремительно остался позади. Под крылом сменяли друг друга яркие разноцветные поля и пышные зеленые леса, другие города и деревни, казавшиеся совсем крошечными и незначительными. Хоть в реальности стояла зима, во сне Лиасы царило лето. Они летели над блестящей на солнце рекой, вбиравшей в себя другие реки, пока она не стала крупнее всех. Даже с высоты она казалась огромной. «Это Энсей», – догадалась Лиаса. Они понеслись вдоль ее полноводного русла. На горизонте, куда стремилась река, заблестела синяя полоса. Она становилась все шире и шире, и Лиаса поняла, что видит на горизонте Великое Зеленое море. Она моргнула, и изгибающаяся голубая лента Энсея превратилась в дракона, который резвился и играл среди раскидистых зеленых лесов, а деревья кивали ему кронами и приветственно махали ветвями, и каждое дерево было на самом деле жилищем лесного духа. А из-за моря небесные змеи гнали на сушу клубящиеся валы облаков. Птица подняла ее еще выше, так что даже облака остались внизу. Лиаса увидела, что то, что с земли кажется облаками и тучами, на самом деле дно небесного моря. И на берегах небесного моря тоже поднимались высокие горы с белоснежными снежными пиками, расстилались сады и поля, шумели леса, полные необычайных обитателей. Они приветственно махали ей, и Лиаса махала им в ответ. А на вершине самой высокой горы ослепительно сиял золотой дворец с девятью воротами. Лиаса смотрела на открывающийся вид, и ей было спокойно на душе. Все проблемы будто исчезли, остались далеко внизу.

Лиаса проснулась умиротворенная. Впервые за долгое время ее не мучило с утра чувство глубокой несправедливости, не терзали мысли о том, как заработать денег. «Какая польза в том, что я злюсь без конца на то, что не могу изменить? – думала Лиаса. – Жизнь обошлась с нами несправедливо, но от того, что я обижена на это, хуже только мне и бедной матери.

Я злюсь на тетю и на дядю, а ведь они приютили нас; это ужасная неблагодарность с моей стороны».

Постоянно кипящее раздражение в груди утихло. Она поздоровалась с тетей, и ей показалось, что даже тетя сегодня не так неприветлива. Даже плохо видящая бабушка Ани почувствовала в ней перемену.

– У тебя сегодня особенное настроение, дочка, – сказала она. – Ты улыбаешься.

– Нет, бабушка, – ответила Лиаса. – Я просто хорошо выспалась.

Возвращаясь вечером в дом дяди, она долго смотрела на закат, на то, как сменяются небесные цвета, переходя от ослепительно оранжевого к ярко-красному, багровому, сиреновому и лиловому. Как будто она очень долго носила на спине невероятно тяжелый груз, и вот он упал, и даже стало легче дышать.

Дни шли, становились длиннее. Хоть холод и кусал так же сильно, небо становилось синее, солнце светило ярче. Приближалась весна, а с ней – новый год.

Под новый год вернулись домой две дочери дяди и тети. Телега привезла их к самому дому. Лиаса вышла встретить их и помочь с сумками. Она опасалась их приезда: боялась, что они отнесутся к ней и к ее матери недружелюбно, как и вся семья. Обе девушки были очень похожи друг на друга, почти как близнецы, хотя между ними было два года разницы в возрасте. Их лица были напудрены до белизны, щеки нарумянены, глаза подведены углем, губы накрашены, они были одеты в приличное платье, в ушах у обеих были продеты сережки с гроздьями из речного жемчуга. Лиаса не могла глаз оторвать от них. Сразу было видно, что сестры служили в богатом доме. Возница тоже был впечатлен: он соскочил с телеги, помог девушкам сойти и спустил их багаж, и всё это не потребовав ни единой монетки. Они вежливо поблагодарили возницу за любезность, сами дали ему немного монет на чашку чая и договорились, чтобы он снова отвез их в город после нового года. Возница рассыпался в благодарностях и комплиментах и уехал чрезвычайно довольный. Наверно, тем же вечером, собравшись с друзьями далеко не за чашкой чая, он будет хвастаться тем, что познакомился аж с двумя красавицами. Лиаса собралась с духом и подошла.

– Добрый день. Я Лиаса.

– Да, мы слышали, – сухо оборонила одна из сестер, и, ни слова больше не говоря, обе направились к дому, оставив Лиасу со своим багажом.

Мда. К сожалению, опасения Лиасы оправдались. О хороших отношениях с троюродными сестрами не приходилось мечтать. Лиаса почувствовала себя совсем одинокой. С неба, словно вторя ее настроению, посыпались снежинки. Ей очень хотелось пнуть багаж сестер, вывалить его в снег и грязи, но так делать было нельзя, и Лиаса просто стояла на улице под падающим снегом, пытаясь унять подступающие к глазам слезы. Из дядиного дома до нее доносились приглушенные возгласы радости, в крошечном окошке металась тень. Если бы не было так холодно, Лиаса предпочла бы переночевать снаружи.

Из дома выглянула мать.

– Что ты стоишь одна, мерзнешь? – сказала она. – Заходи скорей. Ты не заходишь, потому что сумки тяжелые? Давай я помогу.

– Не надо, они не тяжелые, – сказала Лиаса. – Я просто любовалась снегом.

Лиаса подняла сумки и пошла. Едва она переступила порог, к ней подбежала одна из сестер и выхватила сумку.

– Наконец-то, – бросила она.

Вторая сестра тоже забрала свою сумку, и обе принялись доставать подарки. Под аханье и оханье тети ей были торжественно вручены несколько отрезков хлопка и льна, несколько пар серег и браслетов («Латунные побрякушки», – неприятно подумала Лиаса), и мешочек с накопленными деньгами. Тетя даже прослезилась. Мать подошла к ним и попыталась начать

дружеский разговор; сестры отвечали вежливо, но коротко, не выказывая желания долго продолжать беседу. Мать не сдавалась. Вместо своих дочерей больше говорила тетя, на радостях позабывшая о своей обычной угрюмости. Лиаса наблюдала из угла. Происходящее казалось ей каким-то нелепым спектаклем. С новой силой нахлынуло уже подзабытое было раздражение.

Предновогодняя неделя впервые на памяти Лиасы проходила без малейшего ощущения праздника. Отец, сколько Лиаса помнила, каждую предновогоднюю неделю брал ее и старшего брата на ярмарку на Восточном рынке. Они с братом любовались выступлениями акробатов и представлениями уличного театра, покупали жареных кальмаров, рисовые палочки, политые кисло-сладким соусом, играли с разноцветными вертушками. А перед тем, как идти домой, отец всегда покупал им кулек рисовых конфет с орехами, и Лиаса с братом всю обратную дорогу отнимали его друг у друга и спорили, кто больше съел и кто теперь толстый жадный пельмень, который не хочет делиться.

В канун нового года Лиаса уклонилась от готовки праздничных блюд, отговорившись тем, что наколет и занесет дрова. Несмотря на холод, она долго стояла на улице и смотрела в небо, пытаясь разглядеть небесных духов, спешащих на собственный праздник. На мгновение ей показалось, что высоко-высоко, выше, чем ходят облака, мелькнуло что-то сияющее и серебристое, но может, то было всего лишь ее воображение. Заходить внутрь не хотелось.

Глядя на накрытый новогодний стол, Лиаса с особой силой почувствовала тяжелое чувство утраты. Ее семья всегда старалась не скупиться на новогодний обед, даже когда они были бедны. А после того, как сначала отец, а затем и старший брат получили работу над царскими скульптурами, они накрывали праздничный стол на зависть всем соседям. В честь нового года отец зажигал целых три толстые восковые свечи, которые горели всю ночь, и в доме было светло, как днем. Мать готовила пельмени с мясом, паровые булочки с бобовой начинкой, целую запеченную курицу в меду, ароматные лепешки с медом и кунжутом. В центре стола ставили блюдо, на котором горой высились мандарины. Повсюду разносились умопомрачительные запахи. Лиасе приходилось прилагать поистине титанические усилия, чтобы удержаться от того, чтобы не отщипнуть кусочек лепешки или не стащить пельмень. Старшего брата, чтобы не путался под ногами, отправляли толочь кирпичный чай или следить за очагом, который должен был гореть весь день. Отец, как глава семьи, пользовался пятью праздничными днями, чтобы отправиться в храм и получить благословение для семьи на следующий год; это было единственное время года, когда простолюдинам разрешалось входить во внешний двор, обычно на территорию храма им вход был воспрещен. В последнюю зиму он взял с собой и старшего брата; Лиаса хотела попроситься с ними, но мать сказала, что это дело только для мужчин.

Теперь же вместо мяса начинкой в пельменях служил соевый сыр. Традиционная запеченная курица была маленькой, тощей и совсем не вкусной. Мандаринов не было совсем, и без их знакомого запаха Лиаса не могла настроиться на праздничный лад. Даже несмотря на то, что семь человек внесли посильный вклад в новогодний ужин, стол был беден и скуден.

«Это потому что тетя бережет монеты, как может, и скупится даже в такой важный день, – думала Лиаса. – Судя по размеру денежного мешочка, мои троюродные сестры привезли не так уж мало, а где теперь все? Лежит у тети в потайном месте. Вот так смотришь, и кажется, что большая часть еды куплена на деньги моей мамы, а доходы своей семьи тетя приберегает. Будто это мамина забота – кормить всех!»

И вдруг ей пришла в голову ужасная мысль – как громом ударила.

«А ведь от меня не поступило ничего! – ахнула Лиаса. – Ни единой медной монетки!»

От осознания этого Лиасе стало нехорошо.

Семья двоюродного брата смотрит на них косо, потому что и себя с трудом может прокормить, бывшие соседи злы на них, потому что из-за них их постигло горе, больше друзей и родни у них нет. Им некуда идти. Отец и старший брат еще неизвестно, переживут ли три года

каторги, а если и переживут, то могут остаться инвалидами. У Лиасы внезапно будто открылись глаза, будто все это время она ходила, зажмурившись, закрывалась руками и изо всех сил отказывалась увидеть правду. А теперь словно кто-то схватил ее за плечи и встряхнул. Правда была в том, что в доме слишком много ртов и кому-то нужно уйти. От Лиасы единственной не было пользы. Идти и вместе с матерью искать работу в храме – тоже выход, но тогда последние ценные вещи придется оставить, и память об отце и брате пропадет окончательно и бесповоротно. Они катились в пропасть. Идти к Ауму и просить исполнения заветного желания было единственным вариантом, при котором оставалась надежда вернуть прежнюю жизнь. Или так, или тогда нужно смиренно сложить руки и на коленях ждать неизбежного. И если от Лиасы все равно не было никакой пользы, то почему бы ей не пойти искать дворец Аума?

«Мама не верит, что отец и старший брат вернуться, – думала Лиаса. – Она ведь не поправляет, когда ее называют вдовой. И я не могу ее винить: всегда говорили, что со строительства Великой стены не возвращаются. Значит, идти к Ауму – для них единственная надежда выжить».

На этом месте Лиаса должна была остановить ход своих мыслей и переждать подступивший к горлу страх. Она всегда гнала от себя мысль о том, что может больше никогда не увидеть отца и старшего брата, думать об этом было невыносимо.

«Пусть мама и слышать ничего не хочет, тогда я просто уйду одна, тайком, – продолжала рассуждать Лиаса. – Я дойду до храма, где живет троюродный брат, и узнаю, как попасть к Ауму. А там я пожелаю, чтобы злого царя свергли, и тогда все несправедливо осужденные вернуться домой».

На следующий день все проснулись поздно. Лиаса вышла, чтобы вдохнуть воздух нового года. Многие жители деревни тоже вышли на улицу, просто чтобы встретить первый день, поговорить с соседями.

– Смотрите, смотрите, птицы! – вдруг услышала она и подняла голову.

Высоко-высоко, выше тонких серебристых облаков летели небесные птицы. Их легко было узнать по сияющим на солнце золотым перьям и по необыкновенно длинным радужным хвостам, которые оставляли за собой быстро тающий разноцветный след. Лиаса попыталась вспомнить, как по их полету определить, какой будет наступающий год.

– Как высоко и быстро летят! – сказал дедушка, живший через два дома от тети. – Лето будет ранним и жарким.

– Скажи лучше: год будет бурным и беспокойным, – возразил другой старик. – Слишком быстро пролетели, будто куда-то торопят. Это не к добру.

– Все-то у тебя не к добру, – отмахнулся первый.

– Радужный след больно быстро исчез, – волновалась женщина. – Как бы это не сулило нам беды. Бабушка говорила мне, что в былые времена радуга держалась в небе по несколько минут.

Волшебные птицы растаяли в синеве. Лиаса почувствовала, как щипавший щеки холод вдруг отступил, и повеяло теплом.

«Небесные птицы принесли на своих крыльях ветер с юга, – подумала Лиаса. – Вот и пришла весна, а значит, надо торопиться».

Все боги и духи ждали новогоднего праздника, чтобы зажечь весну. Небесные птицы каждый день проносились по небу, пригоняя теплый воздух. Солнце светило вовсю, снег сошел на глазах, земля высохла. Прошли первые весенние дожди. Среди прошлогодней пожухлой травы показались молодые ярко-зеленые ростки и бурно пошли в рост. Речка у деревни набухла, потемнела, забурлила, побежала веселей. Выгнали скот на пастбища. Одни только деревья никуда не спешили, хоть и надули на ветвях почки; будто остановились в раздумье.

Лиаса все-таки придумала, как заработать немного денег: она шла на большую дорогу, которая вела к храму, и предлагала быстро починить одежду проезжающим мимо людям. Большинство отказывалось, но некоторые все-таки останавливались. Правда, это занятие не всегда было безопасным: пару раз мужчины пытались затащить ее на телегу, но Лиасе удавалось увернуться и убежать. Впрочем, в основном путники были настроены вполне дружелюбно. За один раз удавалось заработать от двух до десяти медных монет; немного, но это было начало. Как бы ее ни ела совесть, Лиаса прятала их. Она уходила с раннего утра и возвращалась на закате и совсем перестала бывать у бабушки Ани. На расспросы матери она отвечала уклончиво, говорила, что просто ходит играть на речку. Мать становилась все грустнее, тетя сильнее хмурила брови. Как-то Лиаса, уходя, успела услышать, как тетя упрекает мать за то, что она совсем распустила свою дочь. Как бы ни было досадно это слышать, Лиаса утешила себя тем, что скоро она отправится в путь, и тогда не все ли равно, что о ней думает тетя? Гораздо больше ее волновало, что она слишком мало зарабатывала, несмотря на то, что проводила там целый день. Она плохо представляла себе, сколько денег нужно для путешествия, но подозревала, что накопленного недостаточно.

Впрочем, гораздо больше денежного вопроса она боялась того, что женщина действительно не может попасть к Ауму. Но никто не давал ей вразумительного ответа, почему это так, и в книге отца об этом ничего не было сказано, поэтому Лиаса решила, что это просто какой-то предрассудок. Да и разве не была женщиной Великая Мать, всемилостивая и всепрощающая, из чьего лона вышел человеческий род? Лиаса была уверена, что в новогоднюю ночь она, как и все боги и духи, поднималась в небесные чертоги Аума и праздновала вместе со всеми, а не топталась у порога.

«Главное – дойти до дворца Аума. – думала Лиаса. – А там видно будет».

Поразмыслив, Лиаса решила подождать, пока на деревьях появятся листья. По ее наивному рассуждению, это был верный признак того, что она не замерзнет насмерть, если ей придется ночевать без крыши над головой. К тому же, новая зелень – это значит, что духи земли и воды проснулись от зимнего сна, и Лиасе не придется бояться голодных призраков, зимней порой нападавших на путников. Заодно она набиралась смелости. Идти одной в неизвестность все-таки было страшно, а еще было очень стыдно уходить тайно, ничего не сказав матери. Мать-то была уверена, что дочь уже забыла свою безумную идею. И хотя Лиаса была твердо уверена, что права и ни в чем не виновата, ее мучила совесть. Лиаса заглушала терзания совести тем, что представляла себе, как обрадуется мать, когда отец и старший брат вернутся домой живые и невредимые, и она, конечно, отругает Лиасу за то, что дочь ушла из дома без спроса, но мать быстро простит ее, и они заживут прежней жизнью, а может, и лучше прежнего. Зато отец, представляла себе Лиаса, похвалит ее, а старший брат будет поражен ее смелостью.

И вот стало настолько тепло, что днем можно было ходить без теплой верхней одежды. Выйдя как-то утром из дома, Лиаса вдруг увидела, что за ночь мелкие листья растущего рядом вяза наполовину высунулись из почек. А ведь это был тот знак, которого она ждала. По всей деревне деревья покрылись нежной зеленой дымкой. Но теперь ей стало ужасно страшно уходить из дому. Несколько дней Лиаса мучительно раздумывала, не пора ли отправиться в путь. Все время казалось, что надо еще немного подождать. Вот уже показались листья у старого тополя. Повсюду маленькими звездами горели одуванчики. На солнечных участках они расстилались сплошным ковром.

Ее сомнения, сама того не подозревая, разрешила мать. Однажды утром она вдруг сама засобиравшись в дорогу.

– Весна уже в разгаре. Пора мне сходить в город. Чтобы не ходить каждый день туда-сюда, я уйду на три дня.

У Лиасы сильно забилося сердце.

«Вот оно! – думала она. – Я не знала, как уйти незаметно от матери, а возможность сама падает мне в руки. Лучше момента и не придумаешь».

От волнения Лиаса не находила себе места, но мать подумала, что Лиаса боится остаться одна в доме тети и дяди, которых она недолюбливала, и которые, что уж скрывать, недолюбливали ее.

– Лучше мне сначала разведать все самой. Ты только устанешь и намучаешься, – сказала мать. Она оделась тепло, повесила через плечо дорожную сумку с запасной одеждой и припасами. – Вот мне и пора.

– Я буду скучать! – воскликнула Лиаса, крепко обнимая мать. У нее даже выступили слезы на глазах. Когда ей доведется снова обнять ее?

– Ну, не плачь, – сказал мать, утирая ей слезы. – Я обещаю вернуться через три дня и принесу тебе гостинец из города. А ты веди себя хорошо, помогай тете и дяде. Договорились?

– Угу, – сказала Лиаса. – Не волнуйся, мне из города ничего не надо. Просто вернись сама.

– Ничего? – удивилась мать.

– Ничего, – подтвердила Лиаса. – Деньги нам пригодятся.

– Ну смотри, потом не плачь, что я тебе ничего не принесла, – сказала мать. – Что ж, мне пора идти. Веди себя хорошо!

Лиаса вышла с ней на дорогу и долго смотрела, как мать идет к городским стенам. Остаток дня она пыталась заработать как можно больше монет, ведь сегодня был последний день приготовлений. Она вернулась в дом тети, когда стало заходить солнце, взяла свою наволочку и быстро перешла ее в подобие дорожной сумки. Ручку для сумки она сделала из пояса от платья. Тетя никак к ней не обращалась и, видимо, решила эти три дня делать вид, что Лиасы не существует. Лиасу это вполне устраивало. Она быстро положила в сумку запас одежды, нашла отцовский непромокаемый плащ, положила расческу, не забыла щетку для зубов из расщепленного тростника, зубной порошок и кусок мыла – она была дочерью мастера-скульптора, работавшего над царскими заказами, и не собиралась об этом забывать! И, самое важное: она взяла свой набор для шитья, которым она надеялась зарабатывать по дороге. Накопленные деньги были спрятаны на самом дне. Улучив момент, она отсыпала себе соли и умыкнула немного дорогого белого риса из запасов, которые они с матерью привезли из своего старого дома, рассудив, что рис не портится, и даже если негде будет его приготовить, его можно пожевать сырым. В качестве посуды она припрятала большую кружку с крышкой, решив, что в кружке можно и кипятить воду, и варить еду, а крышкой пользоваться вместо тарелки. В последний момент она вспомнила, что для приготовления пищи нужно разводить огонь, и стащила огниво. Подумать только, она чуть не ушла без него! Снарядившись таким образом, она убедилась, что тетю не заинтересовала ее бурная деятельность, и успокоилась. Тут вернулся дядя с сыновьями, и остаток вечера прошел по-прежнему.

Лиаса очень боялась проспать, и видимо поэтому спала плохо и вскочила в предрассветный час, когда только-только начали исчезать звезды. Прихватив со стола все вчерашние лепешки, она надела теплую куртку из овчины, натянула шерстяную шапку, взяла приготовленную накануне дорожную сумку и на цыпочках прокралась наружу. Свежий холодный воздух сразу прогнал остатки сна. Отойдя несколько шагов, она внезапно увидела коршуна, который неподвижно парил прямо над ее головой, легко качаясь на ветру. Словно убедившись, что Лиаса его увидела, он сделал над ней круг и полетел на восток, в сторону храма. Лиаса помачала ему вслед рукой.

«Сейчас слишком рано для коршунов, – подумала Лиаса. – Это, наверно, не коршун, а дух. Это добрый знак».

От этой мысли она приободрилась, и предстоящая дальняя дорога показалась ей не такой страшной. Осталось сделать последнее. Лиаса встала лицом к восходящему солнцу, поклонилась

лась до земли, сложила руки перед собой в молитвенном жесте и прошептала волшебные слова из отцовской книги сказаний:

– Приветствую тебя, о творец мира, властелин богов, повелитель небесного царства. Да будет на то воля твоя, чтобы я могла пройти свой путь в мире и покое, ибо я честна и праведна; никогда не произносила я заведомой лжи и никогда я не пользовалась обманом. Великая Мать, мать всех живых существ, дай мне сил и терпения, чтобы преодолеть все препятствия с добротой и достоинством.

Всё; больше откладывать и бояться было нельзя. В полумраке деревня казалась незнакомой, и дом дяди и тети быстро слился с другими такими же домами. Выйдя на главную дорогу, Лиаса обернулась на темневшие в предрассветном сумраке стены города, где, ничего не подозревая, спала мать, и решительно зашагала на восток.